

18+

АЛЕКСЕЙ РАКИТИН

**НЕОРДИНАРНЫЕ
ПРЕСТУПНИКИ
И ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

КНИГА 6

Алексей Ракитин

**Неординарные преступники
и преступления. Книга 6**

«Издательские решения»

Ракитин А.

Неординарные преступники и преступления. Книга 6 /
А. Ракитин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-672797-7

Шестая книга серии. Сборник документальных очерков, посвященных необычным преступлениям — безмотивным, бесцельным либо кажущимся абсурдными. Сюжеты этой серии относятся к разным историческим эпохам и государствам. Драматичные криминальные конфликты интересны не только своей детективной канвой, но и биографиями персонажей и описанием социальных условий, зачастую мало похожих на современные общественные отношения.

ISBN 978-5-00-672797-7

© Ракитин А.
© Издательские решения

Содержание

1888 год. Джек-Потрошитель: историко-документальные версии преступлений	6
1920 год. Женщина, которая смогла («Дело Лиды Трублуд»)	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Неординарные преступники и преступления

Книга 6

Алексей Ракитин

© Алексей Ракитин, 2025

ISBN 978-5-0067-2797-7 (т. 6)

ISBN 978-5-0067-2376-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1888 год. Джек-Потрошитель: историко-документальные версии преступлений

Нападение на 45-летнюю проститутку Эмму Смит произошло поздно вечером 2 апреля 1888 г. Женщина находилась на своем «участке» на улице, примыкавшей к собору Святой Девы Марии в лондонском Ист-энде. Нападение было наглым и жестоким. Несколько мужчин, подойдя к Эмме сзади, ударили женщину по голове тяжёлым предметом; после того, как она упала, удары продолжали сыпаться на голову и по лицу. В качестве орудия был использован инструмент типа молотка – тяжёлый и тупой, возможно, обёрнутый несколькими слоями ткани – он не оставил рассечений кожи. Теряя сознание от боли, Эмма Смит с ужасом почувствовала, что деревянную рукоятку этого инструмента нападавшие ввели ей во влагалище...

Женщина выжила и смогла дать полиции необходимые показания. Эмма Смит не была изнасилована, но подверглась ограблению, грабители, помимо мелких денег, забрали и дешёвое серебряное колечко. Это вроде бы позволяло думать, что мотив посягательства лежал скорее в области меркантильных интересов, нежели сексуальных.

Новость о нападении на Эмму Смит быстро разлетелась по району Уайтчепел, где жила и работала эта женщина. Никто равнодушным не остался: слишком многие из проживавших там женщин (даже замужних!) занимались проституцией, проводя время на улицах. Это означало, что потенциальной жертвой грабителей могла стать каждая из них.

Район Уайтчепел состоял из немногим более чем 200 зданий, что при плотной застройке того времени обуславливало его небольшую площадь. Сердцем района был строгий и мрачный храм Святой Девы Марии. В конце 80-х годов 19-го столетия в Уайтчепеле проживали около 9 тыс. человек; две трети из них составляли поляки и польские евреи, не натурализовавшиеся в Великобритании. Почти 1200 женщин из Уайтчепела каждый вечер выходили на улицы района, дабы заняться проституцией. Постоянную работу имело менее трети трудоспособного населения, кроме того, среди жителей был весьма велик процент лиц, имевших судимость – в общем, не будет преувеличением сказать, что социальная атмосфера в Уайтчепеле была весьма неблагоприятна. Последнее, в общем, можно отнести ко всему лондонскому Ист-Энду того времени.

Собор Святой Девы Марии – самое сердце района Уайтчепел в лондонском Ист-энде. Все преступления Джека-Потрошителя произошли неподалёку от этого храма.

Чтобы охарактеризовать быт и нравы того времени, можно упомянуть об отсутствии водопровода и канализации в этой части английской столицы. Ночные горшки жителей опорожнялись поутру в канализационные люки на улицах, что придавало весьма специфический запах всему Ист-энду. Обилие скотобоен и скорняжных мастерских, занятых выделкой кожи, придавало плавающему в воздухе *ambre* новые оттенки и нюансы. Жизнь горожан той поры протекала в основном на улицах, что предопределяло постоянную высокую скученность народа и вело к нарушению элементарных гигиенических норм. Детская смертность была чудовищной для цивилизованной страны: почти 60% детей Ист-энда умирали, не достигнув 5-летнего возраста.

Кстати, факт наличия в Уайтчепеле большого числа скотобоен имеет самое непосредственное отношение к той криминальной истории, которой посвящён этот очерк. Дело в том, что последовавшие за нападением на Эмму Смит события заставили полицию напрямую заняться проверкой местных живодёрен.

С началом лета по Уайтчепелу стали распространяться слухи – один мрачнее другого – о появлении в районе некоего безумца, быстро окрещённого в народе «Красным Передником».

Неизвестный мужчина в темное время суток нападал на одиноких проституток и под угрозой ножа забирал все наличные деньги. Иногда он наносил несговорчивым жертвам побои, по счастью, не особенно сильные. Женщины, сталкивавшиеся с этим преступником, описывали его как мужчину 35—40 лет, ростом 160—162 см, одетого в тёмную одежду, с надвинутой на самые брови чёрной кепкой. Нападавший был бородатым и усатым брюнетом, коротко стриженным и похожим на еврея как внешностью, так и акцентом. Непременным атрибутом его одежды всякий раз был кожаный красный передник, напоминавший те, какими пользовались рабочие скотобоен. Последняя деталь и обусловила кличку, которую этот человек получил среди жителей Уайтчепела – «Красный Передник».

Всю вторую половину июня 1888 г. и весь июль поступали сообщения о спорадических нападениях «Красного Передника» на проституток. Он отнимал у женщин сущую мелочь, было вообще непонятно, как взрослый мужчина может промышлять такого рода бессмыслен-

ными преступлениями, но факты оставались фактами: неизвестный напал на проститутку, отнимал у них мелкие деньги и никогда не выходил за пределы Уайтчепела. Никто не сомневался в том, что негодяй – из местных.

В понедельник 6 августа 1888 г. около 03:20 пополуночи на небольшой площади Джорд-Ярд было найдено окровавленное женское тело. Приглашённый к телу судебный медик Тимоти Киллин подсчитал впоследствии, что погибшая получила в общей сложности 39 ударов колюще-режущими орудиями. Нападавший использовал оружие, как *minimum*, двух типов: колющее, с широким лезвием типа армейского штыка и режущее с узким и коротким лезвием, похожее на перочинный ножик. Следов удушения или побоев на теле не было; другими словами, преступник не пытался пустить в ход кулаки – он сразу начал с ножа. Длинный разрез горла жертвы объяснял, почему преступление не привлекло внимания окрестных жителей – женщина просто не смогла закричать.

Быстро удалось установить личность погибшей. Тем же утром её опознала подруга – такая же дешёвая проститутка по имени Мэри Энн Коннелли. Звали погибшую Марта Тэбрем.

Марта Тэбрем. Фотография сделана в морге; хорошо различим разрез горла от уха, грубо зашитый анатомом.

Жестокость убийства казалась до того демонстративной и немотивированной, что полиция заподозрила показательную расправу местной банды над проституткой-одиночкой, не пожелавшей платить «дань». Версия об одиночном убийце-маньяке считалась допустимой, но не основной. Именно с силу этого министр внутренних дел Соединённого Королевства Генри Меттьюс запретил официально объявлять о вознаграждении за информацию об убийце. Расчёт его был прост: если Марту Тэбрем убила какая-то местная банда, то об этом скоро станет и так известно, поскольку бандиты сами начнут об этом рассказывать, дабы поддерживать должное к себе уважение.

Впрочем, уверенность министра разделяли далеко не все.

Ряд нюансов заставлял думать, что местная шпана к гибели Марты была непричастна.

Мэри Энн Коннелли сообщила, что за несколько часов до гибели Марты Тэбрем они вдвоём познакомились с парой солдат, которые угощали их выпивкой, а затем повели в номера. Марта быстро закончила «дела» со своим клиентом и вернулась на улицу, чтобы успеть подзаработать ещё. Один из констеблей, патрулировавший улицы Уайтчепела в ночь на 6 августа,

видел Марту Тэбрем около 2.30 утра примерно на том самом месте, где менее чем через час было найдено её тело. Марта разговаривала с мужчиной, одетым в военную форму.

Понятно, что этот военнослужащий мог оказаться её последним клиентом. И вполне вероятно, что он мог стать её убийцей.

Уже в те августовские дни нашлись люди, связавшие воедино нападение на Эмму Смит и убийство Марты Тэбрем. Молва объясняла случившееся появлением некоего ненормального мужчины, который поставил себе цель убивать проституток. В те времена ещё не употребляли слово «маньяк», да и словосочетания «серийный убийца» не существовало вовсе, но народная молва точно выделила особенности нападений, совершённых в Уайтчепеле – их дикость и повторяемость.

Сами полицейские не были склонны объединять два дела в одно, полагая, что нападения на Смит и Тэбрем слишком уж различаются между собой. На Эмму Смит напала группа мужчин, которые её ограбили; Марта Тэбрем была убита одиночкой и не ограблена. Различными были орудия преступлений, характер ранений, наконец, результаты обоих нападений тоже были весьма различны: Смит осталась жив, а и, скорее всего, её вообще не хотели убивать. Но обыватели, не имевшие понятия об этих деталях, утверждали, что обе женщины стали жертвами одного преступника. Более того, они считали, что этим преступником был именно «Красный Передник».

Так в головах простых людей смешались воедино совершенно разные преступления лета 1888 г. И появление чудовищного убийцы оказалось своего рода запрограммировано слухами и сплетнями, мрачными ожиданиями обывателей и их скепсисом в оценке возможностей полиции.

Но полиция игнорировала глупые обывательские измышления и занималась расследованием убийства Марты Тэбрем сообразно своим видам. Инспектор Фредерик Джордж Абберлин методично проверял солдат из гарнизона Тауэра и к концу августа уже твёрдо знал, что никто из них в ночь на 6 августа не ходил по улицам Уайтчепела.

На этом расследование остановилось.

Около 4 часов утра 31 августа 1888 г. некто Чарлз Кроссом обнаружил на улочке Бак Роу женщину с задранными до талии юбками. Для Уайтчепела уснувшие на дороге пьяницы не были особенной диковинкой, но в данном случае Кроссом встревожился, поскольку лежавшая на мостовой женщина могла заболеть из-за переохлаждения. Кроссом обратился к какому-то прохожему с просьбой помочь отыскать полицейского; мужчины поправили задранные юбки и направились на поиски. Через пару кварталов они увидели констебля Джона Нейла и рассказали ему о лежащей на мостовой женщине. Полицейский записал фамилию Кроссома (так, на всякий случай!) и отправился на Бак Роу.

Осветив женское тело фонарём, констебль увидел разрез на горле, который шёл от уха до уха. С такими ранами люди не живут – это было ясно. Джон Нейл догадался пощупать плечи и грудь погибшей. Тот факт, что они ещё оставались тёплыми, свидетельствовал о том, что женщина погибла совсем недавно. Констебль свистком вызвал помощь. Уже через четверть часа погибшую осматривал доктор Рис Ллевеллин. Он с уверенностью заявил, что убийство произошло не более чем за полчаса до его появления. Несложный расчёт показывал, что констебль, патрулировавший Уайтчепел, разминутся с убийцей буквально несколькими минутами.

Ллевеллин, осмотрев тело погибшей прямо на улице, сделал следующие выводы: а) тело не переносили, убийство совершено там, где найдено тело; б) причина смерти – 2 глубокие раны горла, нанесённые ножом; в) погибшая имела возраст около 40 лет, рост 158 см, на её верхней челюсти отсутствовали два зуба. Тело уже погрузили на дроги, чтобы увозить, как вдруг инспектор Спратлинг сделал ещё одно открытие: на животе погибшей зияла огромная, ужасного вида рана. Опустившие юбку прохожие, сами того не ведая, скрыли рану от глаз полицейских. Ллевеллин вернулся к осмотру тела и сказал, что убийца был «неуклюжим левшой».

Тело погибшей было увезено в морг на Олд-Монтагью-стрит для последующего более тщательного осмотра, а полицейские приступили к установлению личности погибшей. Личных вещей в её карманах оказалось совсем немного: гребень для волос, кусок сломанного зеркала, носовой платок, но помимо них была найдена незаполненная карточка рабочего дома «Ламберт», помогавшего женщинам в трудоустройстве. Подобные карточки служили пропусками для входа в рабочие общежития; хотя фамилия погибшей не была указана, была надежда на то, что её всё же знали в «Ламберт» -е.

Ещё до полудня 31 августа полиции удалось узнать, кем же была погибшая. Комендант общежития в доме №18 по Траул-стрит по описанию инспектора Спратлинга опознала одну из своих жилищек, которую все называли «Полли». Настоящее имя женщины звучало гораздо благозвучнее: Мэри Энн Николс. Приглашённые в морг муж и отец Мэри подтвердили правильность сделанного полицейскими заключения.

К моменту гибели Мэри Николс исполнилось 42 года.

Мэри Энн Николс.

Она была матерью пятерых детей, которых бросила, сбежав из дома. С мужем – наладчиком типографской печатной машины – она не жила уже около пяти лет. Женщина в последние годы спивалась и явственно деградировала. Основным источником заработка для неё сделалась проституция.

Рис Ллевеллин, проведя детальное патологоанатомическое исследование тела погибшей, отказался от своего прежнего утверждения, будто убийца был «неуклюжим» и «левой». Теперь Ллевеллин считал, что преступник был правша, обращавшийся с ножом сноровисто и имевший немалую силу. Доктор отметил странный характер причинённых убийцей ранений: если бы раны в горло были нанесены в то время, когда погибшая находилась в вертикальном положении, то в таком случае оказалась бы залита кровью передняя часть одежды. Но этого не наблюдалось, одежда спереди была запачкана кровью не очень сильно. Зато кровью были пропитаны насквозь платье под мышками и лифчик. Очевидно, что кровь стекала под воздействием силы тяжести, а раз так, то получалось, что женщина в момент нанесения фатальных разрезов на горле находилась... в горизонтальном положении, если точнее – лежала на спине. Но она не была оглушена неожиданным ударом по голове: тщательный осмотр показал, что нападавший отнюдь не пускал в ход кулаки и не пользовался кастетом.

Надо сказать, что тайна последних мгновений жизни Мэри Энн Николс так и не получила разъяснения. Повалил ли её убийца перед тем, как зарезать, или он напал на уснувшую в подпитии женщину – это так и не было выяснено расследованием. В одном полицейские не сомневались: нападение оказалось совершенно неожиданным для жертвы, и женщина практически не сопротивлялась. Она даже не успела закричать – в этом детективы были уверены наверняка

после того, как допросили жителей окрестных домов. Никто из них не слышал ничего подозрительного, и ночь на 31 августа 1888 г., по их словам, ничем не отличалась от любой другой ночи в Уайтчепеле. Впрочем, жители ближайших к месту гибели Мэри Николс домов с уверенностью говорили о том, что по Бак Роу около 4 часов утра проехал ломовой извозчик. Грохот его громадной повозки, заметно отличавшийся от дрожek обычного извозчика, разбудил многих.

Старший инспектор Фредерик Абберлин, которому было поручено возглавить расследование убийства Мэри Николс (наряду с убийством Марты Тэбрем), придал информации о ломовом извозчике очень большое значение. Он полагал, что извозчик либо мог видеть убийцу, либо являлся убийцей сам. Слишком уж маленьким был интервал между его проездом по Бак Роу и появлением на этой улочке Чарльза Кроссома, обнаружившего тело Мэри Энн Николс.

Следует отдать должное лондонской полиции – её детективы были активны и настойчивы. Им удалось быстро обнаружить ломового извозчика, который ранним утром 31 августа действительно управлял повозкой, запряжённой тремя лошадьми. Перспективная версия ни к чему не привела; извозчик проехал Бак Роу из начала в конец и на своём пути не встретил ни одного подозрительного человека, не увидел ни одной лежавшей женщины. Извозчик вполне разумно объяснил своё собственное появление на улице в такой ранний час – он выполнял важный заказ, перевозил большие тяжёлые шкафы, и для этого нарочно выехал пораньше, пока улицы не оказались запружены народом. Подрядчик полностью подтвердил показания извозчика, и полиция не имела никаких оснований не верить этим людям.

Этот панорамный фотоснимок, относящийся к 1889 году, позволяет получить представление о том месте на улице Бак Роу, где в ночь на 31 августа было найдено тело убитой женщины (на снимке оно схематически изображено белым цветом и на него указывает стрелка). Бак Роу стрит представляла собой своеобразный коридор между стенами домов по обе сто-

роны, все дворы и фасадные двери в ночное время были закрыты, здесь не было палисадников, газонов или парка. Это означало, что убийце после совершения преступления некуда было спрятаться, он должен был пройти улицу из начала в конец... разумеется, в том случае, если он не жил здесь.

Ситуационный анализ не оставлял никаких сомнений в том, что преступнику на совершение убийства потребовался очень малый промежуток времени. По улице Бак Роу с интервалом примерно в 5 минут двигались сначала констебль Джон Нейл, затем ломовой извозчик с мебелью, а потом – Чарльз Кроссом. Причём первые двое на своём пути не увидели ничего подозрительного, и это заставляло думать, что убийство произошло непосредственно перед появлением Кроссома.

Убийца не оставил детективам никаких зацепок, связанных с особенностями использованного оружия или деталями своего внешнего вида. Он не оставил ни малейших следов, способных привести к его идентификации. Невысокий уровень развития криминалистической науки исключал возможность исследования микроскопических следов и частиц. Да что там микроскопических! Не существовало даже традиции фиксирования следов на месте преступления: не составлялись протоколы осмотров, не производилась фотосъёмка, реконструкция преступления имела характер умозрительный и скорее зависела от личного опыта полицейского, нежели от объективно выработанных критериев.

Полицейские в Уайтчепеле активно занимались розысками возможных свидетелей убийства Мэри Энн Николс, когда ранним утром 8 сентября 1888 г. пришло сообщение об обнаружении ещё одного женского тела. Немногом после 6 часов утра житель дома № 29 по Хэнбари-стрит Джон Дэвис обнаружил во дворе дома, в котором проживал, тело женщины со следами ножевых ранений. Он немедленно позвал двух рабочих, которые буквально через пять минут привели на место обнаружения тела патрульного полицейского.

Уже предварительный осмотр двора дома №29 по Хэнбари-стрит дал детективам богатую пищу для размышлений.

Двор дома №29 по Хэнбари-стрит, в котором утром 8 сентября 1888 г. было обнаружено тело очередной жертвы «убийцы из Уайтчепела»

Прежде всего, обращали на себя внимание личные вещи погибшей женщины, разложенные упорядоченно вокруг неё. Рядом с ногами лежали карманная гребёнка, расчёска с мелкими зубьями и маленький кусок ткани, возле головы – конверт с двумя таблетками. На кон-

верте была сделана надпись: «Sussex regiment», на обороте – литера «М», а под нею – «sp». Марка на конверте была штемпелёвана 23 августа 1888 г. в Лондоне. Вещи не выглядели хаотично разбросанными, преступник, вытащив их из кармана, вне всякого сомнения, рассматривал и раскладывал рядком.

В доме №29 проживали 17 человек, пятеро из них в ночь на субботу 8 сентября спали с раскрытыми окнами, выходящими во двор. Потенциально все пятеро могли бы услышать любой подозрительный звук во дворе. Однако никто из них ничего не слышал. Восход солнца в Лондоне по данным Гринвичской обсерватории 8 сентября 1888 г. имел место в 05:23. Утренние сумерки начинались гораздо раньше, уже около 5 утра было вполне светло. Улица Хэнбари-стрит упиралась в большой рынок «Спиталфилдс», который официально открывался в 5 утра, но торговцы отправлялись туда примерно за час до открытия. После 4 часов утра по Хэнбари-стрит уже всюю ходили люди, около 5 часов наступали утренние сумерки, в 05:23 вставало солнце, а кроме этого, пятеро жильцов дома №29 всю ночь провели с открытыми во двор окнами... Так каким же образом, спрашивается, и когда могло произойти убийство?

Для осмотра тела был вызван доктор Джордж Багстер Филлипс. Он отметил, что тело к его приходу уже было холодно, развивалось окоченение, что дало доктору основание датировать время наступления смерти в районе 04:30 утра. Убийство было совершено на том месте, где было найдено тело. На горле погибшей имелся глубокий зубчатый разрез, нанесённый слева направо. Доктор обратил внимание на прикушенный язык погибшей женщины; он предположил, что преступник схватил ее за подбородок и, запрокинув голову назад, разрезал шею. Подобная реконструкция объясняла происхождение разреза слева направо, сделанного не левшой. В том, что убийца не левша, доктора Филлипса убедило исследование других повреждений, причинённых преступником телу женщины. Эти повреждения были многообразны и наглядно демонстрировали рост агрессивности убийцы. Преступник полностью вскрыл брюшную полость и удалил матку, 2/3 влагалища и придатки убитой им женщины. Вырезанные части он унес с собой, их так и не нашли. Больше всего доктора Филлипса поразило то, что преступник сумел разделить довольно толстые мышцы и ткани одним движением ножа, при этом ни одна из кишок не была повреждена – это указывало на силу и точность движений, которые мог иметь только человек, обладавший медицинскими навыками. Сам доктор Филлипс признал, что ему самому для осуществления подобных манипуляций потребовалось бы не менее 15 минут (это-то специалисту с 23-летним стажем работы!). Доктор уверенно заявил, что никакой аптекарь, таксидермист (изготовитель чучел животных), мясник – никто не смог бы столь грамотно и точно вскрыть человеческое тело. Убийцей мог быть только человек, получивший не просто базовую медицинскую подготовку, а именно практиковавшийся хирург.

Выводы доктора по вполне понятной причине чрезвычайно заинтересовали полицейских. Когда они попросили доктора дать описание орудия, которым пользовался преступник при своих манипуляциях, Филлипс сказал, что это был явно не обычный нож, а инструмент с длинным (не менее 20 см) и узким лезвием, похожий на специальные хирургические ножи, используемые при ампутациях. Преступник не мог не запачкать кровью руки и одежду, потому что крови было очень много.

Но этот вывод доктора сразу же ставил перед детективами следующий вопрос: как окровавленный убийца вышел из двора дома №29 на Хэнбари-стрит и остался незамеченным довольно многочисленными в 04:30 утра прохожими?

Личность погибшей установили довольно быстро – ещё до обеда 8 сентября. Ею оказалась личность довольно известная в Уайтчепеле – матёрая проститутка по имени Энни Чэпмен.

посмертная фотография Энни Чэпмен.

Десятки полицейских были брошены на опрос жителей Уайтчепела. Им была поставлена задача отыскать свидетелей, которые могли видеть человека в окровавленной одежде на Хен-бари-стрит.

Но к вечеру 8 сентября подоспело новое важное сообщение: на одной из помоек в соседнем с домом №29 дворе был найден... красный кожаный передник со следами крови. Эта находка объясняла, как преступник сумел не запачкать одежду и почему не привлёк к себе внимание. Но эта же находка позволяла детективам предположить, что убийства женщин – это дело рук хорошо известного им «Красного Передника», о котором упоминалось в начале настоящего очерка.

Опросом лиц, знакомых с убитой, было установлено, что погибшая носила три медных кольца. Однако при осмотре трупа кольца эти обнаружены не были. Это могло означать только одно – преступник ограбил жертву, приняв медь за золото. Это был первый достоверный случай ограбления «убийцей из Уайтчепела», зафиксированный полицией.

Следует заметить, что с точки зрения современных представлений криминальной психологии подобное исчезновение медных колечек с рук жертвы преступления может иметь объяснение никак не связанное с меркантильными побуждениями преступника. Достоверно известно, что абсолютное большинство серийных убийц тяготеют к неоднократному повторному переживанию наиболее ярких в эмоциональном отношении моментов совершённых преступлений; прокручивая в памяти фрагменты убийств, они получают сильное психологическое удовлетворение. Острота переживаний усиливается при наличии предметов, связанных с преступлением: это могут быть как мелкие предметы, принадлежавшие жертве, так и фрагменты обстановки, прихваченные с места преступления. Многие серийные преступники составляют своего рода коллекцию из мелких предметов, принадлежавших жертвам их посягательств; такие коллекции нередко состоят из серёг, колец, заколок для волос и даже... обуви. Иногда какие-то из этих предметов убийца может подарить человеку, которого он отождествляет с жертвой, но в силу ряда обстоятельств не может убить (в число таких лиц обыкновенно попадают сожительницы либо жёны преступника). Другими словами, серийные убийцы действительно проявляют склонность забирать личные вещи жертв своих преступлений, но делают

они это не из соображений получения материальной выгоды, а исключительно в целях использования этих предметов в качестве своего рода «трофеев» или «сувениров».

Полицейские власти быстро поняли, что убийство Энн Чэпмен столь сильно напоминает убийство Полли Николс, что оба преступления необходимо рассматривать как взаимосвязанные. Оба расследования были буквально в течение одних суток объединены в одно производство. Инспектор Абберлин, занимавшийся «делом Полли Николс», продолжил работу в рамках общего следствия, но теперь он оказался подчинён старшему инспектору Джозефу Чандлеру, который работал в дивизионе «Н» полиции Лондона. С этого момента ситуация в Уайтчепеле находилась под особым контролем министра внутренних дел; к расследованию подключались всё новые полицейские силы, и в скором времени поиск серийного убийцы сделался чуть ли не общенациональной задачей. Нет никаких оснований считать, будто власти Лондона (да и государства в целом!) не отнеслись к происходившему в Уайтчепеле с должным вниманием.

Джозеф Чандлер потребовал тщательной отработки всех возможных зацепок, свидетельств и улик.

Прежде всего необходимо было выяснить происхождение красного кожаного передника, которым, видимо, воспользовался преступник. Такого рода передники были для Уайтчепела не в диковинку – там, напомним, было немало скотобоен и колбасных цехов, работники которых традиционно использовали именно такую спецодежду. Полицейские агенты обошли весь Уайтчепел, демонстрируя найденный на помойке передник, и, в конце концов, установили, кому он принадлежал. Оказалось, что эта вещь принадлежала неким Эмили Ричардсон и её сыну Джону. Семейный бизнес заключался в мелкой торговле мясными товарами; мать и сын владели лавочкой на Хэнбари-стрит, а их продуктовый склад находился как раз во дворе дома №29, в том самом, где было найдено тело Энн Чэпмен. Ричардсоны были тщательно проверены полицейскими и сумели доказать свою полную непричастность к убийству Чэпмен. Фартук действительно был выброшен на помойку Джоном Ричардсоном за несколько дней до преступления; там он, видимо, благополучно провалялся, пока его не поднял убийца, чтобы использовать в своих целях.

Помимо этого, полиция получила от Ричардсонов и другую важную информацию. Джон рассказал, что утром 8 сентября – в интервале 04:45—04:50 – он заходил во двор дома №29 с целью проверки замков на двери подвала, в котором находился их склад. Для этого он открыл дверь во двор, подошёл к двери подвала, осмотрел замки и вернулся обратно на Хэнбари-стрит. Джон Ричардсон без колебаний утверждал, что в указанное им время во дворе не было посторонних, и там также не было тела убитой Энн Чэпмен. Ричардсон оказался человеком весьма пунктуальным и добросовестным свидетелем, он точно воспроизводил хронологическую последовательность событий 8 сентября и убедил, в конце концов, следователей в точности сообщённых им сведений. Но в таком случае рождался вполне закономерный вопрос: если датировка момента смерти Энни Чэпмен, сделанная доктором Филлипсом, неверна, и убийство женщины последовало после 04:50, то каким образом убийца сумел остаться незамеченным? Сдвиг во времени от 04:30 к 05:00 часам увеличивал риск обнаружения преступника многократно. По Хэнбари-стрит к этому времени уже шли люди, в самом доме №29 многие жильцы не спали, так каким же образом убийца сумел нанести своей жертвы такие ужасные кровавые раны и остаться при этом никем не замеченным?

Помимо этого, следствие чрезвычайно интересовало происхождение конверта, найденного рядом с телом Энн Чэпмен. Существовала надежда на то, что он сможет привести полицию к убийце. Такие почтовые конверты были в широкой продаже и, как довольно скоро выяснилось, найденный рядом с телом конверт вообще не принадлежал Энни Чэпмен. Полиции удалось отыскать свидетеля, который рассказал, как своими глазами видел, что за несколько дней до гибели Чэпмен подняла с пола на кухне кем-то брошенный конверт и переложила

в него таблетки из собственной сломанной сумочки. Так что и сам конверт, и надписи на нём никоим образом не могли способствовать прояснению обстоятельств преступления.

Между тем, в течение 8 и 9 сентября 1888 г. полиция сумела отыскать весьма важных свидетелей, показания которых могли бы весьма способствовать прояснению обстоятельств гибели Энн Чэпмен и разоблачению её убийцы.

Прежде всего, детективам, обходившим дома по Хэнбери-стрит, удалось найти человека, не спавшего всю ночь на субботу. Алберт Кадош, страдая из-за ревматических болей, не мог уснуть и всю ночь просидел в кресле перед окном. Жил он прямо напротив дома №29 и до утра держал приоткрытым окно спальни. Он прекрасно слышал всё, происходившее той ночью на улице. По его утверждению, в утренние часы странными показались два происшествия: в 05:20 женский голос явственно воскликнул: «Нет!» – а через 10 минут за забором во дворе дома N 29 послышался звук падения. Кадош считал, что с таким звуком могло бы упасть человеческое тело.

Ещё более важным представлялось свидетельство Элизабет Лонг, торговки с рынка «Спиталфилдс», которая в 05:30 пересекла двор дома №29. В определении времени женщина не ошибалась, поскольку слышала бой часов на башне пивоваренного завода, расположенного в Уайтчепеле. По словам Элизабет Лонг, во дворе дома №29 женского трупа не было, как не было вообще ничего подозрительного. Но вот на выходе из двора свидетельница встретила мило беседовавшую парочку – мужчину и женщину, причём в последней Лонг опознала Энн Чэпмен. Полиция не сомневалась, что разговаривавший с Чэпмен мужчина был убийцей.

Разумеется, первое достоверное описание предполагаемого убийцы было чрезвычайно важно для последующих розысков. Казалось, удача наконец-то благосклонно подарила сыщикам шанс на скорое разоблачение убийцы. Хотя Элизабет Лонг честно призналась, что не смогла бы опознать собеседника Энни Чэпмен, тем не менее, она смогла сообщить весьма существенные детали его внешнего облика. Мужчина, по её словам, был невысок (не более 165 см), возрастом за 40 лет, одетый во всё темное (пиджак, брюки, шляпу), в руках он держал чёрную мужскую сумочку из кожи (по типу тех, что ныне называются «барсетки»). Когда Лонг попросили дать общую характеристику внешнего вида неизвестного, она определила его такими словами: «Скорее иностранец, нежели англичанин», – и, подумав, добавила: «Потрёпанный, благородного происхождения» (по-английски дословно: «shabby genteel»).

Показания Джона Ричардсона, Алберта Кадоша и Элизабет Лонг были исключительно важны для расследования. Фактически полиция впервые получала вполне ясные указания относительно внешнего вида убийцы. И тем более странным представляется фактическое игнорирование всей этой информации старшим инспектором Чандлером, который посчитал, что перед ним недобросовестные свидетели. Спорный момент о времени совершения убийства инспектор разрешил в пользу полицейского врача. Чандлер постановил считать, что убийство Энн Чэпмен совершилось именно в 04:30, поэтому, когда Джон Ричардсон заходил во двор осматривать замки своего склада, тело убитой женщины уже лежало во дворе дома и просто не было им замечено. Когда же Элизабет Лонг прошла через двор дома №29 и вышла на Хэнбери-стрит, она точно так же не рассмотрела лежащего тела; Лонг ошибочно приняла за Чэпмен другую проститутку, беседовавшую с клиентом, и её опознание ничего не стоит. Инспектор Чандлер верил в непогрешимость медицинской науки и потому отверг свидетельства, получившие впоследствии подтверждения из других источников.

Между тем, современные научные представления хорошо объясняют возникшую нестыковку во времени. Доктор Филлипс в своей оценке момента наступления смерти Энн Чэпмен действовал довольно халатно. Доктор при вынесении своего заключения опирался только на температуру внешних покровов тела, между тем, измерение температуры печени (либо ректальной температуры) является более надёжным способом определения скорости охлаждения тела. Доктор Филлипс не воспользовался градусником, а определил температуру простым при-

косновением руки. Конечно, врачебный опыт – дело хорошее, но в данном случае он, очевидно, сыграл с доктором злую шутку. Известно, что на скорость охлаждения существенно влияет температура окружающей среды. Ночь с 7 на 8 сентября 1888 г. была в Лондоне весьма прохладной, около $+7^{\circ}\text{C}$, и доктору Филлипсу следовало бы сделать на это поправку. Кроме того, имелось ещё одно соображение, которое следовало учитывать при определении момента смерти Чэпмен: её ноги были открыты, а живот – разрезан, что, безусловно, способствовало ускоренному охлаждению тела.

Ошибка доктора Филлипса была весьма существенной. Сейчас можно с уверенностью утверждать, что убийство Энн Чэпмен произошло никак не в 04:30 пополуночи, а скорее всего, часом (или около того) позже.

После 8 сентября 1888 г. улицы Уайтчепела обезлюдели. Даже самые закоренелые скептики не могли отрицать того, что в районе орудует преступник, совершающий страшные безмотивные преступления. Уже не могло быть никаких версий о бандах, обирающих проститутток, или случайных убийствах. Убийства были неслучайны, они повторялись и, очевидно, могли повторяться в будущем. Не существовало критерия, который позволял бы однозначно выделить круг потенциальных жертв, а это значило, что следующей жертвой могла стать любая женщина Уайтчепела. Слухи однозначно связали совершаемые убийства с евреями, населявшими район; в версию об иностранце не мог поверить старший инспектор Джозеф Чандлер, но простые жители Ист-энда поверили сразу же. Антисемитские страсти усугублялись тем, что, по показаниям жертв «Красного Передника», этот преступник тоже был евреем. Народная молва однозначно связывала преступления «убийцы из Уайтчепела» с нападениями «Красного Передника». Кстати сказать, версия о том, что в обоих случаях действовал один и тот же человек, находила поддержку и среди детективов. Многие полицейские обратили внимание на то, что в августе 1888 г. нападения «Красного Передника» прекратились. А это могло означать только то, что преступник сменил род деятельности и от угроз перешёл к нападениям с последующим убийством жертвы.

Поэтому очень многие должностные лица в полиции Лондона считали, что поймав «Красного Передника», они поймут и убийцу проститутток. К этой же мысли склонялся и старший инспектор Чандлер. С 9 сентября в его распоряжении были уже очень большие силы полиции – более 20 детективов и 200 патрульных. Эти силы он бросил на розыски «Красного Передника». Их работу весьма облегчало то, что они имели в своём распоряжении неплохой словесный портрет подозреваемого, а сам район поисков был весьма невелик (напомним, что весь Уайтчепел состоял всего-то из 200 зданий, а его население не превышало 9 тыс. человек). При серьёзном подходе к делу найти подозреваемого представлялось вполне посильной задачей. По общему мнению детективов, «Красный Передник» должен быть человеком, привлекавшимся прежде к уголовной ответственности. Таковых лиц в Уайтчепеле было немало – более 30% населения. Полицейские хватали всех известных им уголовников, подпадавших под известный словесный портрет, и доставляли их на опознание в полицейский участок, в котором были собраны жертвы нападений «Красного Передника».

Джозеф Чандлер располагал большими полицейскими силами, и это позволило ему добиться поставленной задачи в кратчайшие сроки. Уже вечером 11 сентября 1888 г. было официально объявлено об аресте человека, опознанного как «Красный Передник». Арестованного звали Джон Пизер, прежде он уже был судим и отбыл 6-месячное тюремное заключение за удар женщины ножом.

Сообщение об аресте Пизера было воспринято всеми – и полицейскими, и простыми жителями Ист-энда – с облегчением. Полиция спасла честь мундира, продемонстрировав умение работать сконцентрированно и слаженно, люди – вздохнули с облегчением. Практически никто не сомневался в том, что Джон Пизер является не только «Красным Передником», но и «убийцей из Уайтчепела». На фоне первоначальных оптимистических заявлений полиции

как-то потерялись суждения врачей-анатомов, полагавших, что убийца проституток демонстрирует незаурядное искусство владения ножом и имеет, скорее всего, медико-хирургическую подготовку, которой явно не обладал Пизер.

Сам же Пизер оказался чрезвычайно напуган арестом и сразу же пошёл на сотрудничество со следствием. Судья Винн Бакстер заявил, что признает сделку обвинения и защиты при условии, если Джон Пизер сделает добровольные признания по поводу преступлений «Красного Передника». Смысл этого заявления был чрезвычайно прост и фактически сводился к формуле: мы будем его судить не как безобидного грабителя по кличке «Красный Передник», а как убийцу проституток. Судья отдал дань всеобщей уверенности в том, что схвачен именно убийца.

Сенсации не получилось. Пизер поспешил воспользоваться предоставившейся возможностью и в деталях рассказал о нападениях на женщин, в ходе которых он избивал свои жертвы и отнимал у них карманные деньги. На этом признания арестованного иссякли: более признаваться было не в чем. Пизер доказал свою полную непричастность к убийствам Тэбрем, Николс и Чэпмен. Его алиби было подтверждено большим числом независимых свидетелей, в том числе и полицейским осведомителем, который являлся домовладельцем, сдававшим Пизеру в аренду комнату. Обвиняемый объяснил, почему с августа 1888 г. перестал совершать нападения на женщин: он сам догадался, что полиция свяжет убийства проституток с его действиями, а потому затаился.

Самое любопытное в истории «Красного Передника» состоит в том, что Джона Пизера так никогда и не судили за эти преступления. Подозреваемый отсидел под арестом менее месяца, во всём сознался и, согласно договорённости сторон, подтверждённой судьёй, был выпущен на свободу. Такой вот невыдуманный юридический анекдот...

То беспокойство, что возникло среди жителей Уайтчепела после убийства Энн Чэпмен, после разоблачения «Красного Передника» отчасти рассеялось. Район был наводнён полицейскими патрулями, органы защиты правопорядка показали себя способными к успешной борьбе с преступностью, и это внушало надежду на то, что убийствам проституток пришёл конец. К концу сентября общественное мнение окончательно успокоилось, и в вечерние и ночные часы улицы Уайтчепела опять были многолюдны и неутомимы. Ярмарка порока продолжала процветать и, казалось, не существовало силы, способной помешать этому.

В час ночи только что начавшегося 30 сентября 1888 г. польский еврей Луис Димшютц вёл телегу с запряженным в неё пони по улице Бернер-стрит. На тротуаре он увидел женское тело, лежавшее лицом к стене, которое сразу показалось ему неживым. Димшютц остановил свою повозку, и в это время из дверей расположенного неподалёку клуба вышел человек. Луис подозвал мужчину и указал ему на женское тело. Они вместе приблизились к нему и увидели кровь на тротуаре. Димшютц остался сторожить тело, а мужчина из клуба бросился за полицией.

Менее чем через пять минут он привёл на Бернер-стрит полицейский патруль (старший патруля – констебль Генри Ламб). Полицейские попробовали нащупать пульс, но, увидев на шее женщины огромный разрез, тут же оставили эту попытку. Ламб остался с телом, а младший патрульный отправился за врачами.

В 01:16 к осмотру тела приступил доктор Фредерик Блэквелл, с которым прибыл и молодой стажёр. Чуть позже на Бернер-стрит появился и полицейский врач Филлипс, тот самый, что выносил заключение о причине смерти Энн Чэпмен.

Врачи сошлись во мнении, что момент наступления смерти можно было определить интервалом примерно в 20—40 минут до их прибытия на место происшествия (т. е. в 00:40 – 01:00 30 сентября). Женщина была убита там, где оказалось найдено её тело. Непосредственной причиной смерти при предварительном осмотре представлялась обширная резаная рана

шеи, расположенная примерно на 6—7 см ниже нижней челюсти. Убийца одним мощным движением рассёк стенки трахеи, мышцы и сосуды шеи.

Луис Димшютц заявил полицейским, что один раз он уже проходил по этому же самому участку Бернер-стрит. Произошло это в 00:40 и тогда – свидетель утверждал это со всей определённостью – на этом месте женского тела не было. Возвращаясь примерно через 20 минут, Димшютц тоже не видел ничего подозрительного до тех самых пор, пока практически не поравнялся с телом убитой.

Погибшая не пыталась оказать сопротивление. В левой руке она держала пакетик с мятными леденцами для освежения дыхания. Лицо её было спокойно, видимо, женщина не ожидала нападения.

В то самое время, пока на Бернер-стрит напряжённо работали полицейские и врачи, совсем неподалёку – буквально в 400 метрах – констебль Эдвард Уоткинс патрулировал площадь Майтр-сквеар и прилегающие к ней улицы. Это было тихое убогое местечко, где практически не было жилых домов – только склады и магазины. Констебль миновал Майтр-сквеар в 01:30 ночи, и в это время там было всё спокойно. Площадь была невелика – квадрат со стороной 22 метра – и потому не заметить что-либо подозрительное там было просто невозможно. Уоткинс спокойно пересёк площадь и двинулся по одной из примыкавших к ней улочек. На площадь Майтр-сквеар он вернулся менее чем через четверть часа. В 01:44 он обнаружил прямо на площади окровавленное тело женщины, лежавшее на спине.

Площадь Майтр-сквеар. Фотография 1925 г. поэтому на заднем плане виден автомобиль.

Женщина была мертва – в этом не было ни малейшего сомнения. Поднятая выше талии юбка оставляла открытым живот, который был взрезан; горло женщины также было разрезано, вокруг тела растекалась большая лужа крови. Площадь была совершенно безлюдна...

Констебль Уоткинс бросился к своему хорошему другу – отставному полицейскому Джорджу Моррису, проживавшему неподалёку. Разбудив Морриса и попросив его о помощи, констебль возвратился назад на площадь, чтобы обеспечить должную сохранность следов на месте преступления. Пока полицейский оставался на Майтр-сквеар, Джордж Моррис разыскал полицейский патруль в составе двух человек, который он немедленно направил на площадь.

По всему Уайтчепелу началась беготня, то, что сейчас назвали бы попытками задержания преступника по «горячим следам». Полицейские осматривали проходные дворы, подъезды

и проулки: они искали человека в запачканной кровью одежде. Казалось совершенно очевидным, что убийца не мог избежать того, чтобы не залить кровью жертвы свою одежду. Но активность полиции оказалась тщетной – до утра так и не удалось никого разыскать.

На площадь Майтр-сквеар для осмотра тела прибыл доктор Фредерик Гордон Браун. В своём отчете он написал, что приступил к осмотру в 02:18 пополуночи. Он заявил, что женщина была убита там, где оказалось обнаружено её тело; время наступления смерти он определил как «не более получаса до начала осмотра» (т. е. около 01:45). Следов борьбы обнаружено не было, но лицо погибшей казалось испуганным. Это могло означать, что в последние мгновения своей жизни женщина успела почувствовать угрозу.

Применительно к телу, найденному на Майтр-сквеар, полиции удалось очень точно вычислить время совершения преступления. Как установил старший инспектор Чандлер, в 01:42 ночи площадь пересёк полицейский патруль, не обнаруживший ничего подозрительного, а уже в 01:44 констебль Уоткинс увидел лежавшее на мостовой тело, залитое кровью. Даже если сделать поправку на возможную ошибку в исчислении времени, то всё равно нельзя было не признать, что убийца, проявив чрезвычайную дерзость, сумел буквально за несколько минут совершить весьма сложное преступление и скрыться.

Полиция ещё шла мелким бреднем по Уайтчепелу, рассчитывая найти подозрительного человека, соответствовавшего предположительному описанию преступника, как около трёх часов ночи поступила новая важная информация – была найдена надпись на стене, оставленная преступником. Старший инспектор Джозеф Чандлер вместе со своими детективами помчался на Гоулстон-стрит, где их встретил констебль Альфред Лонг, сообщивший следующее: в ходе осмотра улиц и дворов Уайтчепела он в 02:55 ночи обнаружил на тротуаре окровавленный кожаный передник. Прямо над ним, на высоте человеческого лица, на закопчённой кирпичной стене была сделана мелом следующая надпись: «Евреи – люди, которых ни в чём не обвинишь». («The juwes are the men that will not be blamed for nothing»). Кровь на переднике была свежей, не было почти никаких сомнений в том, что этой вещью воспользовался убийца. Соответственно, вполне логичным казалось то, что и к надписи на стене преступник имеет прямое отношение, но... Но это решительно ничего не означало.

В самом деле, если убийца был евреем, то надпись могла быть сделана им в знак демонстрации собственного превосходства над англичанами и английским обществом, которое он мог считать чужим и враждебным. Но если убийца евреем не был, то подобную надпись он мог оставить для того, чтобы навести сыщиков на ложный след. Версии о том, что «убийца из Уайтчепела» – местный еврей, уже вовсю обсуждались как в прессе, так и местными жителями. И, вне всякого сомнения, убийца слышал об этих пересудах.

The juwes are
the men that
will not
be blamed
for nothing

Надпись на стене дома по Гоулстон-стрит, скопированная по приказу старшего инспектора Чандлера.

Надпись на стене смутила старшего инспектора Джозефа Чандлера. Он велел её скопировать в натуральную величину, а сам поспешил написать обстоятельное письмо руководителю полиции метрополии сэру Чарлзу Уоррену, в котором попросил дать необходимые распоряжения о дальнейшей судьбе надписи на Гоулстон-стрит.

Глава полиции был разбужен 30 сентября 1888 г. задолго до рассвета. Впрочем, события в Уайтчепеле были экстраординарны и вполне оправдывали подобное нарушение графика сэра Уоррена. Вопрос о судьбе настенной надписи был столь непросто, что старшего инспектора Чандлера можно было простить за смелое нарушение субординации. Уже преступления «Красного Передника» послужили поводом для беспокойства политических руководителей Англии в силу роста антиеврейских настроений в Ист-энде. Эти настроения ещё более усилились, когда общественность узнала о том, что «убийца из Уайтчепела», скорее всего, является евреем. Стремясь предотвратить антиеврейские выступления, член Палаты общин английского парламента Сэмюэль Монтагу – еврей по национальности – предложил учредить денежный фонд для премирования лиц, сообщающих информацию об «убийце из Уайтчепела». Напомним, что министр внутренних дел Великобритании Генри Меттьюс после убийства Марты Тэбрем официально отказал в выделении средств на оплату «общественных информаторов». Следует признать, что еврей-парламентарий Сэмюэль Монтагу оказался мудрее господина министра; Монтагу продемонстрировал готовность английских евреев сотрудничать с властями и их заинтересованность в установлении истины. Его предложение получило широкую огласку и было прокомментировано политиками самого разного толка. Премияльный фонд был создан, в него внесли пожертвования известные в Англии люди, и это способствовало устранению межрасовой напряжённости. Теперь же появление надписи на стене было способно разрушить достигнутое общественное умиротворение и спровоцировать шовинистические выходки.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, старший инспектор Чандлер самоустрашился от принятия решения о судьбе надписи. Сэр Уоррен, получив его письмо с описанием событий ночи на 30 сентября, распорядился надпись уничтожить, не дожидаясь утра. Впоследствии ему не раз пеняли за этот приказ, но глава полиции метрополии всегда объяснял принятое решение стремлением поддержать спокойствие в обществе. Надпись была затёрта так скоро, что полиция даже не успела её сфотографировать; осталась лишь её копия, сделанная путём наложения бумаги поверх надписи (как это делают археологи при копировании настенных рисунков).

Личности новых жертв «убийцы из Уайтчепела» были установлены достаточно быстро. Поскольку весть о новых преступлениях негодяя прозвучала главной сенсацией дня, жители района устроили настоящее паломничество в полицейское управление. Уже к обеду детективы располагали исчерпывающей информацией о погибших.

Первую жертву (её тело было найдено на Бернер-стрит) звали Элизабет Страйд. Она родилась в 1843 г. в Швеции, где вышла замуж за английского моряка. При переезде в Великобританию муж и двое детей Элизабет погибли в кораблекрушении. Женщина представила бумаги, доказывавшие это, и получила с 1878 г. пенсию от Шведской церкви в Лондоне.

Посмертная фотография Элизабет Страйд.

Полицейская проверка, впрочем, довольно быстро установила, что к гибели парохода «Принцесс Элис» ни Элизабет Страйд, ни её семья отношения не имели. Джон Страйд умер от алкоголизма, а детей эта супружеская чета не имела. Получение пенсии следовало признать циничным мошенничеством. Элизабет зарабатывала на жизнь шитьём и уборкой, но не брезговала и проституцией. На панели её кличка была «Длинная Лиз». С 1885 г. Элизабет Страйд сожительствовала с чернорабочим Майклом Киднеем. По его словам, сожительница покинула дом ранним вечером 29 сентября.

Свидетель Уильям Маршалл сообщил полицейским, что примерно за четверть часа до полуночи (т. е. в 23.45) он видел из окна своей комнаты в доме №64 по Бернер-стрит, как Элизабет Страйд разговаривала с коренастым мужчиной, чей рост составлял около 1,65 м. Мужчина был одет как клерк и говорил «как образованный человек». Самого разговора, впрочем, Маршалл вспомнить не смог, поскольку, видимо, он его и не расслышал, но в его показаниях важно было то, что незнакомец, по меркам Уайтчепела, выглядел достаточно интеллигентно.

Помимо Маршалла погибшую видели в ту ночь и ещё некоторые свидетели. Среди них был констебль Уильям Смит; произошло это в 0.35 30 сентября на Бернер-стрит. Элизабет разговаривала с мужчиной средних лет, ростом 1,67—1,7 м, имевшим тёмные волосы и усы. Мужчина был одет прилично – в чёрном пальто с шалевым воротником и шляпе. Полицейский отметил белые манжеты и воротничок рубашки неизвестного. В руках мужчина держал довольно крупный бумажный пакет.

В 00:45 на пересечении Бернер-стрит и Файрклауд Элизабет Страйд в компании с малорослым незнакомцем увидел ещё другой свидетель – Джеймс Браун. Этот знал погибшую довольно хорошо, поскольку был её соседом по дому. Он заинтересовался происходящим и какое-то время шёл за Страйд и незнакомым мужчиной. Брауну удалось подслушать слова Элизабет: «Не сегодня, в любую другую ночь». Очевидно, женщина разговаривала за несколько минут до своей смерти с потенциальным клиентом и отказывала ему в каком-то предложении, например, отправиться в некое место или в чём-то подобном. И Браун описал собеседника Страйд как мужчину ростом 1,67 м в тёмном длинном пальто.

Наконец, ещё один важный свидетель – Израэль Шварц – сообщил детективу Свенсону о том, что почти в то же самое время (т. е. в 00:45) он увидел сцену, которая его встревожила. В самом начале Бернер-стрит разговаривали мужчина и женщина, и когда мужчина попытался силой увлечь женщину в тень от здания, та оказала сопротивление. Мужчина в раздражении

толкнул её на тротуар. Женщина упала и закричала. Всего она вскрикнула 3 раза, и этого оказалось достаточно для того, чтобы обратить агрессивного кавалера в бегство. Тот перебежал на другую сторону улицы и заговорил с поджидавшим его там другом. Мужчины скорым шагом пошли по Бернер-стрит, но заметив, что за ними на некотором расстоянии следует Шварц, побежали и скрылись под железнодорожным виадуком. Там было совсем темно, и Израэль Шварц побоялся последовать за подозрительными типами.

Шварц так описал виденных им мужчин: первый из них, тот, что толкнул женщину, имел возраст около 30 лет и рост до 165 см, сухощавого телосложения, темноволосый, с чёрной кепкой на голове, был одет в тёмные пиджак и брюки; второй казался постарше – около 35 лет, имел рост около 1,77 – 1,8 м, маленькие чёрные усы, был одет в тёмные пальто и брюки, на голове – потасканная шляпа.

Смерть Элизабет Страйд последовала в результате единственного ранения горла. Других травм женщина не имела. Доктор Блэквелл такими словами охарактеризовал убийцу: «Кто-то, кто приучен к использованию тяжёлого ножа».

Личность второй погибшей в ночь на 30 сентября 1888 г. полиция установила также без особых проблем. В её кармане были найдены закладные квитанции из ломбарда на имя Кэтерин Эддоус, проживавшей в доме N 55 по Флауэр-стрит. По указанному адресу погибшую знали очень хорошо и без труда опознали. Кстати, соседи же опознали и окровавленный фартук, который убийца бросил под надписью на стене дома по Гоулстон-стрит. Фартук этот принадлежал Кэтерин Эддоус, и убийца, по-видимому, им воспользовался, чтобы не запачкать кровью собственную одежду. Примечательная предусмотрительность!

Посмертные фотографии Кэтерин Эддоус.

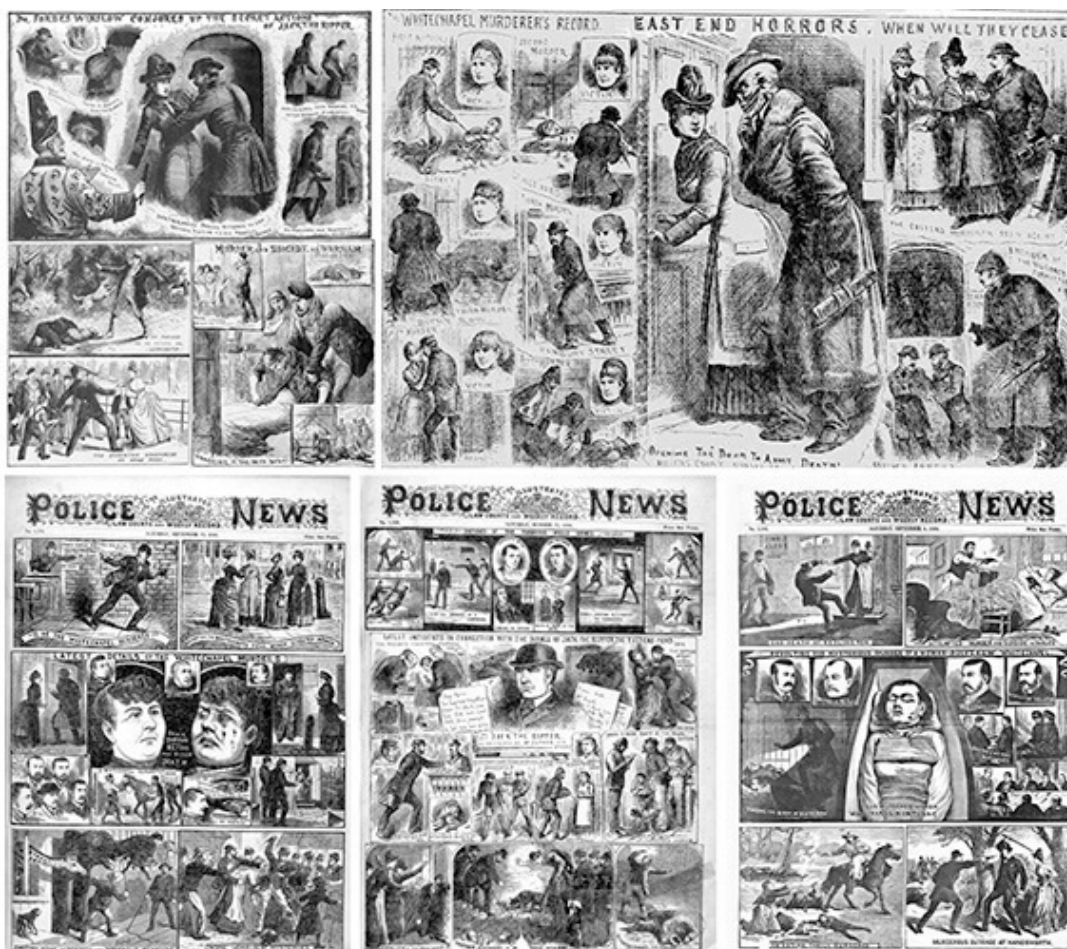
Кэтерин любила выпить, нрав имела весёлый и покладистый. Уже 7 лет она сожительствовала с Джоном Келли. Погибшая родилась в 1842 г., в возрасте 16 лет убежала из дома вместе со своим будущим супругом – Томасом Конвеем. От их брака родились трое детей. В 1880 г. Эддоус и Келли развелись; причиной тому послужило безудержное пьянство Кэтерин.

Собственно проституткой, т. е. женщиной, вступающей в половую связь за деньги, Кэтти Эддоус не была. Но любые нравственные барьеры она легко преодолевала после пары стаканчиков вина, так что не будет большим преувеличением назвать её женщиной, не стеснённой предрассудками и этическими ограничениями.

Вечером 29 сентября она заявила сожителю, что отправляется за деньгами к одной из своих дочерей. Джон Келли напомнил ей об убийце проституток, на что Эддоус засмеялась и пообещала не попасть ему в руки. До дочери Кэтерин в тот вечер так и не добралась, но, блуждая по улочкам Уайтчепела, женщина умудрилась выпить, что называется, «в хлам». За оскорбление общественной нравственности её задержал полицейский патруль и доставил в участок на улице Бишопсгейт. Если б Кэтти сморил сон, она бы благополучно дождалась там утра и продолжила свой путь к дочери, но судьба распорядилась иначе: Эддоус принялась полемизировать с дежурным констеблем Хаттом, которому быстро надоело слушать пьяную болтовню Эддоус, и потому он около 0.30 ночи выпустил женщину на улицу.

Непосредственной причиной смерти Кэтерин Эддоус послужил разрез горла, выполненный совершенно в такой же манере, как и в случаях убийств Полли Николс и Энн Чэпмен, т. е. слева направо. Очевидно, что все последующие манипуляции преступник проделывал уже с трупом. Доктор Браун, осмотрев тело Кэтти Эддоус, заявил, что живот был разрезан от грудной кости до подвздошины. Убийца сделал несколько глубоких разрезов в разных направлениях, общая длина которых превышала 80 см. Через взрезанную брюшину преступник удалил левую почку, вырезал почечную артерию почти на всём ее протяжении, а также матку (разрез был произведён на 1,5 см выше шейки матки). Влагалище и яичники повреждены не были. Особое внимание обратили на себя повреждения лица – этого преступник раньше не делал. Следствием нескольких хаотически нанесённых преступником ударов ножом явились следующие повреждения лица: глубокий разрез носа (от левой границы носовой кости до угла правой стороны челюсти), рассечения нижних век обоих глаз, отсечение правого уха (оно отвалилось при транспортировке в морг), а также ряд мелких порезов лица и головы.

После двойного убийства в ночь на 30 сентября 1888 г. закипел весь Лондон. Преступления «убийцы из Уайтчепела» перестали быть сенсацией одного только Ист-энда, теперь это были новости общегосударственного масштаба. Широкую известность получили слова королевы, заявившей премьер-министру о своём недовольстве работой лондонской полиции. Преступления в Уайтчепеле обсуждались повсеместно: в Парламенте, Кабинете Министров, в газетных передовицах, в поездах, ресторанах и на прогулках. Англия пребывала в шоке.

В конце сентября творившийся в Уайтчепеле ужас перешёл из категории местных новостей в сенсацию общегосударственного масштаба. Газеты не только публиковали заметки об убийствах таинственного изувера, но размещали на своих страницах целые рассказы в картинках, эдакие комиксы на документальной основе. Рисунки привлекали внимание даже малограмотной части населения и способствовали росту продаж. На этой иллюстрации показаны некоторые из публикаций такого рода, вообще же в те недели и месяцы счёт им шёл на многие десятки.

Поспешное уничтожение надписи на стене дома по Гоулстон-стрит вызвало массу нареканий в адрес начальника полиции. Широкое распространение получила точка зрения, озвученная детективом Уолтером Дью, который следующим образом охарактеризовал происхождение надписи: «... (это) неконтролируемый жест еврея, переживающего эйфорию от кровавого триумфа». Обвинения начальника полиции метрополии в некомпетентности в конечном итоге спровоцировали его скорый уход на пенсию.

Уже в октябре в полицию обратился ещё один человек, оказавшийся весьма важным свидетелем. Джозеф Лавенд вышел из клуба «Империял» в 01:35 в ночь на 30 сентября и направился домой через Майнтр-сквэр. На площади он увидел живо разговаривавшую пару – мужчину и женщину. Лица женщины свидетель не разглядел, но уверенно опознал одежду Кэтерин Эддоус. Полиция пришла к выводу, что Лавенд видел женщину не более чем за 10 минут до её убийства. Поэтому его описание собеседника Эддоус было расценено как очень важное.

Джозеф Лавенд заявил, что собеседник Кэтти Эддоус был среднего роста, молод (возраст свидетель определить затруднился), имел небольшие аккуратные усики, одет был в тёмные пиджак и брюки, на голове носил кепи.

В течение первой недели октября лондонская полиция продемонстрировала необыкновенную активность в расследовании убийств.

Уже после обеда 30 сентября 1888 г. полиция начала распространять по всему Лондону листовки следующего содержания:

«Полиция информирует население.

Утром в пятницу 31 августа, в субботу 8 сентября и в воскресенье 30 сентября 1888 г. были убиты женщины в районе Уайтчепел неким лицом, предположительно проживающим либо в этом районе, либо в непосредственной близости к нему. Если Вам известно о любом лице, которое может вызвать подозрение, предлагаем немедленно обратиться в ближайший полицейский участок либо в Центральное управление полиции.

30 сентября 1888 г.»

Оперативное появление такой листовки следует по праву поставить в заслугу руководству лондонской полиции. Вообще, подобное широкое официальное информирование общественности можно считать исключительным для того времени. Такой приём нередко бывает весьма эффективен, во всяком случае, мировой опыт даёт примеры замечательной результативности подобного взаимодействия властей и населения, в том числе и при розысках серийных преступников. Практика сыска обогатилась этим замечательным приёмом именно со времён поисков «убийцы из Уайтчепела». Примечательно, что полиция не стала высокомерно пренебрегать помощью непрофессионалов, а напротив, сама обратилась за помощью к людям. Замечательный пример отказа от пресловутой «корпоративной солидарностью» в интересах дела.

Упомянутая листовка распространялась в Лондоне на протяжении всего октября 1888 г.; всего было роздано более 80 тыс. экземпляров этого обращения.

Полицейские новации отнюдь не исчерпывались публикацией листовки. Ещё одним приёмом, достойным упоминания, явилось применение «манка» – ложной жертвы, призванной спровоцировать нападение преступника. Опять-таки, впервые в истории мирового сыска, Скотланд-Ярд выпустил на улицу «подставную жертву». Это был полицейский-мужчина (при том боксёр), наряженный в женское платье и соответствующим образом гримированный. Первый блин оказался комом, в Уайтчепеле быстро поняли, что на улицах появился мужчина, ряженный женщиной, и это вызвало массу насмешек над полицией. На подобный приём смотрели как на курьёз, как на признание полицией собственного бессилия, но прошедшие десятилетия доказали несправедливость суждений жителей Уайтчепела. Использование «подставных жертв» сделалось общеупотребительной практикой в работе полицейских и специальных служб всего мира, и хотя практика подобных операций претерпела с 1888 г. значительные усовершенствования, всё-таки своим появлением она обязана именно следствию по «делу убийцы из Уайтчепела».

Была и ещё одна любопытная новация. В состав полицейских патрулей впервые в истории Англии (да и мира, пожалуй) были включены кинологи с собаками. Предполагалось, что это новшество позволит быстро разоблачить убийцу по запаху свежей крови на его руках и одежде в том случае, если он дерзнёт совершить новое преступление.

Сплошной проверке подверглись все скотобойни и колбасные цеха в Уайтчепеле; полиция считала, что убийца как-то связан с одним из таких цехов. В этом сыщиков убеждало не только мастерское владение ножом, которое убийца продемонстрировал уже неоднократно, но и график нападений: все они произошли либо вечером в пятницу, либо в уик-энд. Последнее соображение косвенно указывало на то, что остальные дни недели убийца занят на работе. Всего полицейские провели формальные допросы владельцев 76 скотобойен и колбасных цехов. Общее же число людей, официально опрошенных полицейскими в первую половину октября 1888 г., превысило 2 тыс. человек.

Всё это время – вплоть до самого октября 1888 г. – преступника, совершавшего нападения на проституток в Уайтчепеле, называли обезличенно и опосредственно – «убийца», «потрошитель», «душегуб». Свою кличку, ту самую, с которой он вошёл в историю криминалистики, «убийца из Уайтчепела» получил лишь после двойного убийства в ночь на 30 сентября.

История появления прозвища «Джек-потрошитель» такова: в последнюю декаду сентября 1888 г. английские газеты и полиция столкнулись с таким неведомым доселе (но с той поры уже хорошо известным) явлением, как появление анонимных писем, посланных от лица преступника. Всего в период с конца сентября по конец ноября из разных концов страны было послано более 300 (!) посланий, авторы которых утверждали, что именно они являются загадочными и неуловимыми «убийцами из Уайтчепела» (несложный подсчёт показывает, что ежедневно отправлялось более 3 писем). Вся масса посланий была тщательнейшим образом изучена и рассортирована; 99% её составляла самая настоящая макулатура, галиматья, написанная психически неполноценными людьми. Но несколько писем привлекли к себе внимание детективов. Два из этих писем были написаны одним почерком, в одном из них содержалось прямое пожелание, чтобы «убийцу из Уайтчепела» называли «Джеком-потрошителем». После двойного убийства Эддоус и Страйд информация об этих двух письмах попала в газеты, и именно с их подачи это прозвище закрепилось за преступником.

Имеет смысл процитировать эти послания.

Первое письмо датировано неизвестным автором 25 сентября 1888 г.; оно было получено лондонским новостным агентством «Central news office» утром 27 сентября. Письмо было написано красными чернилами и гласило:

«25 сентября 1888 г.

Дорогой Босс.

Я продолжаю слышать, что полиция поймает меня, но (я) по-прежнему остаюсь (никому) не известен. Я смеялся над тем, сколь умно они рассуждали о следе слева направо (на шеях убитых женщин). Та шутка относительно Кожаного Передника доставила мне удовлетворение. Я вновь на шлюхах и кромсаю их, пока не получу внутренности. Последнее дельце было замечательной работой. Я не дал леди времени, чтобы повизжать. Как могут они ловить меня теперь (?). Я люблю мою работу и хочу заняться ею снова. Вы скоро услышите обо мне и моих забавных небольших играх. Я сохранил несколько надлежащего красного материала в бутылочке имбирного пива с (места) моей последней работы, дабы писать этим, но (её содержимое) сделалось густым, подобно клею, и я не могу использовать его. Впрочем, я надеюсь, красные чернила достаточно пригодны, я надеюсь, ха-ха. Следующим своим актом я отсеку уши леди и пошлю их полицейским, дабы они не были слишком веселы. Сохраните это письмо, пока я не сделаю обещанную работу. Мой острый нож так хорош, что я хочу сделать работу сразу же, как только представится случай.

Удачи.

Искренне Ваш Джек-потрошитель. Не возражаю, если мне присвоят это имя.

(Я) не был достаточно хорош для того, чтобы отправить это (письмо) по почте до того, как лишился красных чернил. Никакой удачи. Они говорят, что я – доктор. Теперь ха-ха.»

На момент получения этого письма (т. е. 27 сентября 1888 г.) его содержание не показало редактору заслуживающим внимания. В полицию об этой анонимке сообщено не было, и она пролежала безо всякого внимания к себе вплоть до 1 октября, когда было получено второе письмо, написанное тем же самым человеком. Текст второго письма был довольно сумбурным и дословно гласил:

«Я не был услышан, дорогой старый Босс, когда давал Вам совет. Вы услышите о довольно дерзкой работе Джека завтра, сдвоенный случай, на этот раз номер первый виз-

жал, немного не смог закончить с нею. Не имел времени, чтобы получить уши для благодарности полицейским за хранение предыдущего письма, пока я не добрался, чтобы поработать снова.

Джек-потрошитель.»

Оба письма из «Central news office» были переданы в полицию, которая взялась за розыски анонима. Были изготовлены фотокопии обоих посланий, которые поступили во все полицейские участки страны. Власти надеялись, что кто-либо сможет опознать почерк писавшего. Идея эта оказалась отнюдь не так наивна, как можно было бы подумать; во всяком случае, аноним более никого не беспокоил. Увидев собственную писанину в полицейском участке, он, скорее всего, перепугался и затаился. Хотя автора клички «Джек-потрошитель» так никогда и не нашли, это прозвище закрепилось за «убийцей из Уайтчепела», сделавшись своего рода его легальным именем.

Фотографии писем, подписанных «Джек-потрошитель».

Ряд косвенных соображений позволяют с высокой долей вероятности предполагать, что человек, подписывавший свои письма в Central news office именем «Джек-потрошитель», не имел ни малейшего отношения к настоящему убийце проституток. Прежде всего, не существует никаких указаний на то, что Лиз Страйд кричала перед смертью; как раз наоборот, с уверенностью можно утверждать, что её убийство было совершенно беззвучным. Убийца так и не сдержал своего обещания послать отрезанные уши жертвы в полицию. Да, ухо Кейт Эддоус оказалось отрезанным, то это явилось следствием неконтролируемого движения ножа, и сам убийца не заметил того, что отрезал ухо (потому-то и не забрал его с собою). Хотя второе письмо содержало указание на двойное убийство, в этом не было ничего удивительного: утром 30 сентября (т. е. ко времени его отправления) об этом знали уже многие жители Ист-энда. Автор анонимок не сообщил ни одной детали преступления, о которой мог бы знать только «убийца из Уайтчепела». Поэтому следователи не принимали упомянутые сообщения всерьёз. Глава лондонской полиции Чарлз Уоррен впоследствии неоднократно заявлял, что письма от имени «Джека-потрошителя» являются фальшивками.

Уже в 1988 г. к столетию преступлений в Уайтчепеле английское телевидение выпустило цикл передач – своеобразных «круглых столов» – в которых историки криминалистики и опытные детективы обстоятельно проанализировали все существенные моменты расследования 1888 г.

К этой же дате был приурочен выход большого числа публикаций, в которых обстоятельно исследовались различные версии и аспекты розыскных мероприятий столетней давности. Анонимные письма, подписанные «Джеком-потрошителем», были подвергнуты самому тщательному анализу с точки зрения современных представлений психологии о подозна-

тельной мотивации поступков. Примечательно, что нынешние детективы, руководствуясь совершенно иными соображениями, чем их лондонские предшественники, пришли к точно такому же выводу, т. е. посчитали анонимные письма мистификацией не вполне здорового человека. Сотрудник американского ФБР, один из создателей уникальной методики профилирования личности преступника Джон Дуглас так объяснил, почему не верит в подлинность этих анонимок: «Преступник этого типа никогда не думал бы о своих действиях, как о „забавных небольших играх“ и не говорил бы, что его острый нож „так хорош“...»

Джон Дуглас – создатель и до 1995 г. бессменный начальник вспомогательного следственного отдела центрального управления ФБР США, один из разработчиков уникальной методики профилирования личности преступника. Благодаря использованию этой методики отдел под руководством Дугласа оказал правоохранительным органам разных стран мира существенную помощь в поимке более 1 тыс. серийных убийц и преступников на сексуальной почве. Дуглас неоднократно давал экспертные заключения по обстоятельствам убийств в Уайтчепеле в 1888 г.

Логика Дугласа более чем прозрачна! Будучи очень опытным криминальным психологом, изучив в процессе непосредственного общения с десятками серийных убийц логику их поведения и образ мысли, Дуглас прекрасно знал, что настоящий убийца никогда не допустит шутилой или ироничной интонации в отношении своих деяний. Убийца никогда не скажет и не напишет о совершенном им убийстве как об «игре» или «развлечении», для него – это «подвиг», предмет гордости и никак иначе!

Но помимо двух писем «Джека-потрошителя», существовало ещё одно письмо, привлёкшее к себе внимание лондонских детективов. Это письмо получил 18 октября 1888 г. утренней почтой некий Джордж Ласк, руководитель одного из районных Комитетов Бдительности (английский аналог отечественных ДНД – «добровольных народных дружин» времён социалистического строительства). Вскрыв большой серый конверт, Ласк извлёк из него... половину человеческой почки и лист бумаги с посланием следующего содержания:

«Из ада.

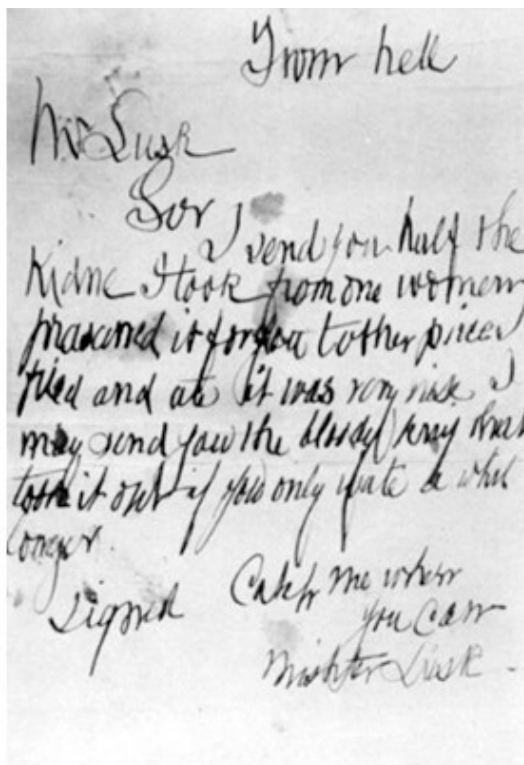
Г-н Ласк, сэр.

Я посылаю вам половину почки. Я забрал у одной из женщин этот орган для Вас, я жарил и ел это, это было прелестно, я могу послать Вам кровавый нож, которым извлекал это, если Вы только ждёте более длинного.

Подписываюсь.

Ловите меня. Вы можете, г-н Ласк.»

Английский текст этого письма состоял из 57 слов.

From hell
Mr. Lusk
Sorry I send you half the
kidney took from one woman
I macerated it for you to the piece
I had and ate it was very nice I
may send you the bloody knife that
took it out if you only care & what
longer.
Signed Call me when
you can
Mister Lusk -

Анонимное письмо с вложенной в конверт половиной человеческой почки, полученное Джорджем Ласком 18 октября 1888 г.

В них автор послания допустил 3 однотипных грамматических ошибки, связанных с написанием одних букв вместо других; кроме того, в тексте было много ошибок в расстановке знаков препинания. Написание одних букв вместо других рождало невольную ассоциацию с надписью на стене по Гоулстон-стрит. Там преступник допустил аналогичную ошибку в написании слова «евреи» (написал «juwes» вместо «jew's»). Поначалу эту ошибку сочли обычной опiskeй человека, находившегося в состоянии аффекта и плохо себя контролировавшего. Теперь же вполне обоснованной начинала казаться версия, сводившаяся к тому, что убийца – человек малограмотный, плохо знакомый с английским языком и, скорее всего, иностранец.

Свидетели, видевшие предположительно «убийцу из Уайтчепела», говорили о человеке еврейской наружности; если это было действительно так, то иностранное происхождение убийцы объясняло безграмотность письма Джозефу Ласку и делало его более убедительным. Разумеется, очень мрачным способом прибавить письму достоверности явилась посылка почки.

Исследование органа патологоанатомом Томасом Опеншоу позволило установить, что присланная почка действительно являлась человеческим органом. Эксперт посчитал, что почка была извлечена из живого человека. Размер и вес органа позволяли с уверенностью утверждать, что орган принадлежал взрослому человеку, страдавшему болезнью Брайта (довольно редкое хроническое заболевание почек, проявляющееся в нарушении электролит-

ного баланса при работе этого органа). Было известно, что на боли в почках постоянно жаловалась Кейт Эддоус, и именно её левую почку убийца извлек из тела и унёс с собой. Орган не носил выраженных следов разложения, и доктор Опеншоу объяснил, как именно убийце удалось сохранить орган в хорошем состоянии на протяжении более чем двух недель. Почка была законсервирована... в вине.

Письмо Джозефу Ласку было послано 16 октября 1888 г. Почерк написавшего это письмо заметно отличался от почерка анонима, подписывавшегося «Джек-потрошитель». В целом, большинство исследователей истории криминалистики сходятся в том, что письмо Ласку было написано подлинным «убийцей из Уайтчепела». Предпринимались немалые усилия для того, чтобы объяснить, почему своим адресатом аноним избрал именно Джозефа Ласка – человека, не имевшего прямого отношения ни к следствию, ни к журналистике. Возможно, убийца был лично знаком с Ласком, вступал с ним в какие-то конфликты, но все попытки развить эту версию ни к чему не привели. Никаких выходов на конкретных подозреваемых следствием так и не было получено.

Постепенно ужас, объявший Уайтчепел, стал отступать. Если в начале октября район сделался пуст, то со второй половины месяца люди как будто привыкли к страху. Проститутки вновь вышли на улицы, и прежняя суетная активность стала оживлять мрачные улицы в вечернее время.

Утром в пятницу 9 ноября 1888 г. домовладелец Джон Маккарти послал своего помощника Томаса Боуера к одной из своих жилищек с требованием пропущенной оплаты жилья. Должницу звали Мэри Келли, за свои 23 года жизни она уже успела повидать и узнать немало. Приехав в Лондон из Уэльса, она поработала в борделе, оттуда с одним из клиентов прокатилась во Францию, а после месяца бурной похоти возвратилась в Лондон. Сняв комнатку в Уайтчепеле, Мэри нашла дружка по фамилии Барнетт, с которого исправно брала деньги и при этом не чуралась закатывать сцены негодования по самым разным поводам. Несмотря на наличие постоянного друга, Мэри Келли вовсе не гнушалась приработком, и доступ к её телу могли получить все, готовые платить деньги. Готовность жертвовать моральными устоями превратила Мэри в довольно популярную женщину; при росте 1,68 м она имела прекрасное крепкое тело и косу до поясницы, а потому нетрудно догадаться, что женщину любили все окрестные платёжеспособные мужчины.

Томас Боуер, убедившись, что дверь в комнатку Мэри Келли заперта, решил проявить настойчивость и выполнить поручение хозяина во что бы то ни стало. Он обошёл дом и, пользуясь тем, что комната Келли располагалась на первом этаже, посмотрел в окно. Клерку показалось, будто он разглядел тело на кровати. Это ещё не означало ничего подозрительного – пьяная Келли могла просто-напросто беспросыпно спать – но Боуер предпочёл ретироваться и помчался к шефу с докладом.

Джон Маккарти решил ломать дверь в присутствии констебля, а потому распорядился пригласить полицию. На вызов явился полицейский Уолтер Дью, прекрасно знавший Мэри Келли.

Плотник выставил оконное стекло и пустил Дью вперёд. Полицейский, сделавший всего пару шагов к кровати, тут же вернулся к окну. «Зовите врача!» – прокричал шокированный констебль домовладельцу. Никого более он в комнату не пустил и вообще запретил кому бы то ни было приближаться к окну. Владелица комнаты была мертва, причём характер повреждений не оставлял никаких сомнений в насильственной причине смерти. А потому констебль Уолтер Дью, загородивший собою окно, выполнял важную задачу: охранял место совершения преступления.

Вид комнаты Мэри Келли.

Через 10 минут прибыл доктор Джордж Багстер Филлипс, а ещё через четверть часа – инспектор Абберлин. В течение последующих двух часов в комнатке Мэри Келли побывали практически все крупные чины полицейского ведомства Великобритании. В бумагах доктора Филлипса сохранились записи, сделанные им в комнате Мэри Келли: «Поверхность живота и бёдер была удалена и брюшная впадина освобождена от кишечника. Груды были отрезаны, руки – искалечены несколькими зубчатыми ранами, лицо изрублено до нераспознавания особенностей, ткани шеи разрублены до позвоночника. Кишки были найдены в разных местах; матка, почка и одна грудь – под головой, другая грудь – под ногой, печень – между ногами. Кожа и ткани, удалённые с живота и бёдер, а также часть кишечника лежали на столе. (...) Лицо изрублено во всех направлениях: нос, щёки, брови, уши частично иссечены. Губы были разорваны и разделены несколькими разрезами, выполненными наискось до подбородка. (...) Кожа живота разделена на три больших сегмента. С правого бедра мясо было срезано практически до кости.»

Современная реконструкция того, что было обнаружено в комнате Мэри Келли. Сначала была сделана фотография человека в кровати в схожей позе, после чего снимок был обработан программой «photoshop». На фотографии добавлены детали, известные по дошедшим до нас описаниям очевидцев. Эта фотография позволяет получить представление того, насколько же ужасно выглядело место преступления.

Буквально через несколько дней доктор Филлипс скоропостижно скончался, и его работу по патологоанатомическому исследованию тела Мери Келли продолжил доктор Томас Бонд.

В своём официальном заключении Бонд определил причину смерти так: «Острая кровопотеря в результате разреза артерий горла». Остальные повреждения тела являлись посмертными. Время наступления смерти – интервал времени между 01:00 и 02:00 часами в ночь с 8 на 9 ноября. Доктор Бонд определил оружие, полностью соответствовавшее тому, каким традиционно пользовался «Джек-потрошитель»: ширина лезвия – 2,5 см, длина режущей части – не менее 15 см. Сложив вместе все фрагменты тела, найденные в комнате Мери Келли, доктор убедился, что отсутствует сердце – его преступник, вне всякого сомнения, унёс с собой.

Пожалуй, самой важной частью заключения доктора Бонда явилось его суждение о полной медицинской некомпетентности убийцы. Эксперт таким образом сформулировал свою точку зрения:» (Преступник – прим. автора) не имел никакого медицинского или анатомического знания. По моему мнению, он даже не обладает практическими навыками мясника или человека, приученного к расчленению мёртвых животных».

В этом Бонд резко разошёлся с прочими медицинскими специалистами, привлекавшимися полицией в качестве экспертов для дачи заключений в «деле Джека-потрошителя».

Надо сказать, что не только это утверждение доктора Бонда вызвало недоумение полицейских. При разборе бумаг скончавшегося Филлипса были найдены его записи, в которых доктор полагал, что убийство Келли произошло между 5-ю и 6-ю часами утра 9 ноября. Т. е. разница в определении времени смерти докторами Бондом и Филлипсом составляла не менее 4-х часов. С одной стороны, заключение Филлипса было предварительным, но с другой – он лично осматривал место преступления и оценивал состояние трупа (степень окоченения, температуру и пр.). Поэтому, теоретически, заключение Филлипса представлялось более обосно-

ванным и достоверным. С другой стороны, он не успел его огласить и неизвестно, каков оказался бы окончательный вердикт доктора.

Когда королева Виктория получила доклад об очередном убийстве в Уайтчепеле, она с негодованием воскликнула: «Все наши суды должны быть сожжены, а детективы – заменены лучшими. Они не таковы, какими им надлежит быть!»

Гибель Мэри Келли вызвала в Ист-энде настоящий шок. Уайтчепел, по словам лондонских репортёров, обезлюдел. Все, кто мог уехать, покинули район. Кому ехать было некуда, старались не выходить на улицы без крайней нужды.

Полиция арестовывала всех, когда-либо имевших столкновения с законом за насильственные преступления. Срок давности значения не имел. В те ноябрьские дни могло показаться, что лондонские блюстители порядка задались целью пересажать в тюрьму всех своих знакомых. До того педантичная и весьма аккуратная в своих действиях английская полиция действовала теперь с совершенно несвойственными ей резкостью и непримиримостью. С другой стороны, подобное безадресное ожесточение свидетельствовало о полной дезорганизации следствия. Детективы явно не знали, кого и где им следует искать.

Впрочем, оставалась всё же надежда на то, что полиции повезёт. Дело в том, что следствию удалось найти перспективного свидетеля, давшего очень важные показания.

Джордж Хатчинсон лично был знаком с Мэри Келли. Он встретил её на Дорсет-стрит около 2.00 ночи с 8 на 9 ноября, и Мэри попросила у него денег. Хатчинсон, чернорабочий по профессии, был в тот момент совершенно без гроша. Он объяснил приятельнице всю плачевность своего финансового положения, и они несколько минут просто поболтали. Келли отошла от Хатчинсона, но буквально через дюжину шагов заговорила с другим мужчиной. Они поладили, и незнакомец обнял Мэри Келли за плечи. Они неспешно прошли мимо Хатчинсона, и свидетель, стоявший под фонарём возле здания «Квинс хед паблик», получил возможность хорошо рассмотреть клиента Мэри Келли. Поскольку воспоминания о «Джеке-потрошителе» были свежи, Хатчинсон испытывал тревогу за Келли. Парочка пошла по Дорсет-стрит, а Хатчинсон двинулся за ними следом, дабы быть уверенным, что незнакомец не обидит женщину. Около трёх минут он шагал метрах в двадцати позади Мэри Келли и её клиента, пока, наконец, они не остановились на тротуаре. Хатчинсону пришлось невольно обогнать парочку. Проходя мимо, свидетель отчётливо слышал слова Мэри, обращённые к незнакомцу: «Хорошо, мой дорогой, Вы будете довольны» («All right, my dear, come along you will be comfortable»). Уже удаляясь, Хатчинсон слышал, что Мэри сказала про потерянный носовой платок; незнакомец дал ей свой.

Свидетель дал такое описание клиента Мэри Келли. Возраст 34—35 лет, рост около 165 см, бледное лицо, усики с загнутыми вверх кончиками, тёмные выразительные глаза; был одет в длинное тёмное пальто, тёмный пиджак под ним и лёгкий шёлковый жилет, тёмные брюки, тёмную шляпу с загнутыми вверх полями. В руках незнакомец имел небольшую мужскую сумочку из кожи. Хатчинсону бросилась в глаза длинная цепочка для брегета с красным камнем. Свидетель подчёркивал, что никаких бакенбардов или бородки незнакомец не имел, напротив, его подбородок был тщательно выбрит, а усики казались тщательно ухоженными. Клиент Келли казался похожим на еврея. Хатчинсон уверенно заявил, что сможет опознать этого человека, поскольку нарочито рассматривал его с целью получше запомнить. Кроме того, он полагал, что видел этого человека 4 ноября (т. е. за 4 дня до того) в переулке Петтикот.

О показаниях, которые дал Джордж Хатчинсон, полиция могла только мечтать. Чтобы не спугнуть раньше времени преступника, о существовании столь ценного свидетеля не было сообщено прессе. Даже из двух десятков детективов, занятых расследованием, в известность о сути полученной информации были проинформированы буквально четыре человека. Особый «летучий отряд», сформированный из самых опытных полицейских, переодетых в штатское, целыми днями перемещался по Уайтчепелу и прилегающим районам Ист-энда в надежде

найти последнего клиента Мэри. Вместе с «летучим отрядом» ходил по улицам и Хатчинсон, которому предстояло опознать этого человека.

Помимо «секретного свидетеля» Хатчинсона, полиция сумела разыскать ещё одного человека, видевшего Мэри Келли в ночь убийства. Проститутка Мэри Энн Кокс заявила, что столкнулась с Мэри в 23:45 8 ноября на улице. Келли была пьяна настолько, что едва говорила. Её буквально волочил на себе мужчина, которого Кокс описала как человека возрастом около 36 лет, имевшего усы, возможно, с бакенбардами, одетого в тёмное пальто и пиджак.

Наконец, стало известно о ещё одном любопытном свидетельстве. Около 8 часов утра в среду 7 ноября – то есть более чем за сутки до убийства Келли – прачка Сара Левис шла с подругой по одной из улиц Уайтчепела. К ним пристал какой-то агрессивный мужчина, требовавший, чтобы одна из женщин пошла с ним. Женщины, разумеется, отказались, и мужчина с бранью и угрозами какое-то время следовал за ними, пока не отстал. По странному стечению обстоятельств Сара встретила этого самого незнакомца в ночь на 9 ноября на Миллер-курт, площади, расположенной совсем рядом с Дорсет-стрит, т. е. тем местом, где должна была находиться в это же время Мэри Келли. И именно на Дорсет-стрит примерно в то же время Хатчинсон повстречает Мэри Келли в обществе человека, которого полиция будет считать убийцей. Остаётся добавить, что описание человека, грозившего Саре Левис, как две капли воды соответствовало описаниям мужчин, полученным полицией от Джорджа Хатчинсона и Мэри Энн Кокс.

Полиция проверила *alibi* любовника Мэри Келли – некоего Барнетта – и быстро сняла с него все подозрения. Молодой человек рассказал, что за несколько дней до гибели Келли у них вышла размолвка, но накануне трагических событий они помирились. Барнетт принёс своей подруге извинения, которые были ею приняты, но поскольку денег с собой он в тот момент не имел, то и на ночь оставлен ею не был. Вечером 8 ноября они расстались, и Барнетт заночевал в другом месте, что и подтвердила полицейская проверка.

Хотя полицейское расследование убийства Мэри Келли велось чрезвычайно деятельно, всё же нельзя не признать, что это была, так сказать, энергия без ума. Прежде всего, полицейские так и не пришли к единообразной версии событий ночи с 8 на 9 ноября 1888 г. Другими словами, они так и не выстроили чёткой последовательности событий последней ночи в жизни Мэри Келли.

В самом деле, если эксперт-анатом Томас Бонд был прав, и Келли была зарезана до 2 часов ночи 9 ноября, то это лишало всякого правдоподобия показания Хатчинсона. Напомним, его рассказ относился к событиям, произошедшим уже после 2 часов ночи. Но если Бонд ошибался, и момент смерти женщины следовало отнести к 5—6 часам утра (т. е. к моменту, определённом доктором Филлипсом), то в этом случае явно никчёмными оказывались показания Мэри Энн Кокс. Эта проститутка рассказывала о встрече с убитой, произошедшей ещё до полуночи 8 ноября. После этого Келли, несомненно, успела расстаться с тем клиентом, с которым её видела Кокс, и нашла другого, с которым её видел Хатчинсон двумя часами позже. Следователям в этом случае следовало бы руководствоваться замечательным правилом Оккама, призывавшего «не умножать сущностей сверх необходимого».

Совершенно не шли к делу показания Сары Левис. Если следовать той версии событий, которую озвучил Хатчинсон, то к 2.30 ночи «Джек-потрошитель» уже шагал вместе со своей жертвой к дому Келли; Левис же утверждала, что виденный ею подозрительный мужчина был одинок. И уж совсем не стыковался её рассказ с показаниями Мэри Кокс: казалось просто невероятным, чтобы вышедший на охоту убийца три часа бродил по ночному Уайтчепелу, кишевшему полицейскими патрулями, и при этом не привлёк к себе внимания блюстителей закона. Кроме того, очень трудно было объяснить, как Келли, в «стельку пьяная» около полуночи, чудесным образом протрезвела через два часа.

Кроме того, существовало ещё одно немаловажное соображение, которое полиция не захотела принять во внимание. В том случае, если гибель Келли последовала всё же утром 9 ноября (согласно предположению доктора Филлипса), то свидетельство Хатчинсона вообще стоило немногого. Келли до 6 часов утра вполне могла распрощаться с тем мужчиной, которого видел Хатчинсон, и привести к себе другого, который и оказался «Джеком-потрошителем». Понятно, что в таком случае все хождения «летучего отряда» с Хатчинсоном во главе по Уайтчепелу были лишены всякого смысла.

Подытоживая всё сказанное, остаётся признать, что убийство Мэри Келли оказалось явно перегружено противоречиями, хоть и не бросающимися в глаза, но явно непримиримыми. Станным представляется, что следствие, столкнувшись с серьёзными нестыковками в медицинских заключениях разных специалистов, так и не добилося ясности в этом архиважном вопросе. Никакой ясности так и не возникло, в конце концов, и в отношении показаний свидетелей. Между тем, уже в ноябре 1888 г. инспектор Фредерик Абберлин, с самого начала занимавшийся расследованием серии убийств в Уайтчепеле, высказал серьёзные сомнения в добросовестности Джорджа Хатчинсона. Абберлин прямо заявил, что не верит этому свидетелю, который умышленно морочил голову полиции из сугубо меркантильных соображений.

Через 15 лет, рассказывая о следствии по делу «Джека-потрошителя», Фредерик Джордж Абберлин заявил, что уже в то время он никак не мог понять, почему Хатчинсон последовал за Мэри Келли. Показания свидетеля ясного ответа по этому поводу не содержали. Полицейский инспектор считал, что прежде чем посылать «летучий отряд» на опознание предполагаемого убийцы, следовало самого свидетеля как следует проверить, чтобы убедиться в его добросовестности. Абберлин предполагал, что Хатчинсон просто-напросто выдумал свой рассказ, чтобы получить от полиции деньги и пожить какое-то время за казённый счет.

Проходил месяц за месяцем, и спокойствие как будто бы стало возвращаться в Уайтчепел. Но в июле 1889 г. произошло новое зверское убийство проститутки. Элис Маккензи получила удар ножом в сонную артерию, после чего живот женщины был безжалостно истыкан тем же ножом.

Фотография тела Элис Маккензи.

Упомянувшийся выше доктор Томас Бонд поспешил заявить, что данное преступление совершено «Джеком-потрошителем», но его вскоре опровергли другие полицейские врачи. В конце концов, восторжествовал взгляд на убийство Маккензи как на «работу» преступ-

ника-имитатора, поставившего перед собой задачу скопировать модель поведения знаменитого предшественника.

Следующее убийство проститутки в Уайтчепеле произошло в феврале 1891 г.

Молодая проститутка Френсис Кол была зарезана в своей комнате.

Двумя ударами ножа убийца иссек горло женщины. В медицинском заключении категорически утверждалось, что хотя преступник пытался повторить манеру действий «Джека-потрошителя», убийца явно таковым не являлся: во-первых, он воспользовался коротким ножом с узким лезвием, во-вторых, траектория движения ножа была сочтена как «нехарактерная» для «убийцы из Уайтчепела». Чтобы убить женщину, преступнику пришлось нанести два удара ножом в горло, что было также нехарактерно для «Джека-потрошителя». Вооружённые таким категорическим заявлением медиков детективы довольно быстро нашли виновного в убийстве: им оказался сутенёр Френсис Кол.

В 1892 г. дело по расследованию серии убийств женщин в Уайтчепеле было закрыто. Полиция считала, что всего преступник совершил 6 убийств женщин. Первое из описанных в этом очерке нападений на проститутку (в апреле 1888 г. на Эмму Смит) и два последних (на Элис Маккензи и Френсис Кол) традиционной исторической наукой признаются не имеющими отношения к преступлениям «Джека-потрошителя».

Убийство проститутки Френсис Кол её сутенером было совершено в манере «Джека-потрошителя».

История безжалостных нападений таинственного преступника потрясла воображение как современников, так и многих писателей и историков последующих поколений. Необходимо подчеркнуть, что история европейской цивилизации до той поры практически не знала серийных преступлений. Существуют различные теории, объясняющие возникновение этого криминального феномена на пороге 20 столетия, но размер настоящего очерка не позволяет уделить этой интересной теме должного внимания. Следует лишь подчеркнуть, что расследования первых серийных убийств (Холмса – в США, Троппмана – во Франции, «Джека-потрошителя» – в Великобритании) в ту эпоху превращались в своего рода национальные сенсации. Память о «Джеке-потрошителе» пережила надолго прочие события той эпохи и сделала нарицательным его прозвище. По количеству написанных книг и исследовательских работ (более 8 тыс. за немногим более 130 лет) «убийца из Уайтчепела» далеко опережает все прочие криминальные сенсации, в том числе такие, как убийства Джона Кеннеди и Мартина Лютера

Кинга. Только за последние 15 лет «Джеку-потрошителю» были посвящены 14 новых фундаментальных исследований, в каждом из которых рассматривались вновь открытые обстоятельства и версии случившегося. И это – заметьте! – на фоне небывалого расцвета серийной преступности по обе стороны океана. Некоторые наиболее неожиданные и любопытные версии событий 1888 г. в Уайтчепеле заслуживают того, чтобы на них остановиться подробнее.

Попытки оценить результаты полицейского расследования и определить, насколько близко лондонские детективы подошли к «Джеку-потрошителю», стали предприниматься еще в 19 столетии. Настоящим фанатиком «дела Джека-потрошителя» оказался новый глава полиции метрополии сэр Мелвилл Макнагтен, сменивший на этой должности сэра Чарлза Уоррена в 1889 г. Макнагтен лично изучил все полицейские материалы, имевшие отношение к расследованию. Именно он создал классическую (или шаблонную) версию событий в Уайтчепеле, очертив их временными рамками августа-ноября 1888 г. и вычленив из сотен подозрительных личностей, попавших в поле зрения полиции, трёх подозреваемых. Если говорить совсем точно, то этих трёх человек следует называть главными подозреваемыми, ибо помимо них существовали и иные.

После официального закрытия расследования сэр Мелвилл Макнагтен позволил себе рассказать журналистам о главных подозреваемых в убийствах 1888 г.

Наиболее серьёзным кандидатом в преступники начальник полиции метрополии называл некоего Монтагью Джона Друитта.

Фотографии Монтагью Джона Друитта, сделанные в разное время.

Этот не лишённый изящества молодой человек родился в 1857 г. в г. Дорсет в семье хирурга. Несмотря на прекрасные внешние данные, Монтагью Друитт имел на редкость плохую наследственность: в его роду на протяжении нескольких поколений отмечались случаи паранойи и суицидов. Мать Друитта покончила с собой в 1887 г. Отец Монтагью скончался, когда мальчику было пять лет. Несмотря на эти неблагоприятные предпосылки, Монтагью Друитт умудрился сделать прекрасную карьеру. В этом ему очень помогли педагогические новации, в которых молодой человек изощрялся в свою бытность преподавателем в интернате в г. Блекхите. Будучи весьма спортивным человеком, Друитт всячески ратовал за введение спортивной подготовки учащихся и разработал физкультурную программу для учащихся разных возрастов. Новации Друитта вызвали немалый интерес к нему как к перспективному педагогу со стороны весьма представительных слоёв английского общества. Полагаясь на свою блестящую репутацию, Монтагью лелеял планы покончить с педагогической работой и заняться юридической практикой. Он смог экстерном сдать на адвоката. Казалось, молодой человек был на взлёте. После самоубийства матери он сделался обладателем хорошего состояния. Это был перспективный жених с блестящей будущностью.

Но в конце ноября 1888 г. Монтагью Джон Друитт исчез из интерната. Его младший брат отыскал записку, оставленную Монтагью. Она гласила: «Начиная с пятницы я чувствую, что собираюсь уподобиться матери, и лучшая вещь для меня состоит в том, чтобы умереть». Розыски тела ни к чему не привели, но совершенно неожиданно труп Друитта извлекли из Темзы 31 декабря 1888 г. Все родственники заявляли в полиции о том, что последний год Монтагью пребывал в тяжёлой, все усиливавшейся депрессии. Этот внешне респектабельный и жизнерадостный молодой человек тяжело переживал самоубийство матери и мучительно страдал. Но самое главное в сообщениях родственников заключалось даже не в этом: некоторые из них сообщили в частной беседе с руководителем полиции, что им доподлинно известно о причастности Монтагью к убийствам проституток в Уайтчепеле. Угроза разоблачения родственниками послужила для молодого человека ещё одним источником депрессии. То отчуждение родных, с которым Друитт столкнулся в ноябре 1888 г., лишило его последних душевных сил; не находя выхода из создавшегося положения и страшась разоблачения, он решился на самоубийство.

Именно самоубийство преступника в конце ноября и объясняло, по версии Макнагтена, то неожиданное прекращение убийств и их невозобновление в дальнейшем, которое не находило никакого иного рационального объяснения.

Сэр Макнагтен обещал родственникам Монтагью Друитта никогда не разглашать деталей сделанных ими признаний, но сам он проникся уверенностью в том, что именно этот человек и был настоящим «Джеком-потрошителем».

Надо сказать, что инспектор Абберлин, человек, принимавший активное участие в розысках «Джека-потрошителя» в пору самых активных следственных мероприятий, выступил в 1903 г. с публичным разоблачением версии сэра Макнагтена о виновности Монтагью Друитта. Абберлин утверждал, что ни в 1888 г., ни в последующие годы полиция Лондона не рассматривала Друитта в качестве подозреваемого в убийствах женщин в Уайтчепеле. Отсутствовали какие-либо улики, которые могли бы связывать Друитта по месту и времени с Уайтчепелом. Убийца женщин выглядел плотным и даже тучным мужчиной. Монтагью таковым не был. Друитт вовсе не был похож на еврея. Кроме того, Абберлин указал на то, что в случае гибели Энни Чэпмен в 05:30 утром 8 сентября Друитт никак не успевал доехать к 11:30 в г. Блекхит и принять там участие в игре в крикет. Между тем, было с абсолютной надёжностью установлено, что Друитт там присутствовал.

Следующим в списке трёх главных подозреваемых следовал польский еврей Аарон Косминский. Было известно, что этот человек ненавидел женщин вообще и проституток в частности. Используя современную терминологию, Косминского можно было бы назвать шизофреником. В 80-х годах 19 столетия такого термина в психиатрической науке не существовало, но факт тяжёлого расстройства психики Аарона ни у кого из врачей того времени сомнений не вызывал. Сэр Макнагтен утверждал, что в марте 1889 г. Косминский попал в психиатрическую лечебницу, из которой более не вышел. Это хорошо объясняло прекращение серии убийств в ноябре 1888 г. В следственных материалах сохранилось официальное заявление некоего Джекоба Кохена, который сообщал полиции об угрозах Косминского в адрес его сестры.

В 1890 г. Аарона Косминского официально опознал один из важнейших свидетелей по делу «убийцы из Уайтчепела» Джозеф Лавенд, упоминавшийся в настоящем очерке.

Сотрудник американского ФБР Джон Дуглас, много и профессионально работавший над раскрытием преступлений современных ему серийных убийц, в своей статье-обзоре «Случаи, которые преследуют нас» («The cases that haunt us») охарактеризовал нападения «Джека-потрошителя» на женщин как «работу дезорганизованного, параноидального насильника». По его мнению, такой человек «не мог бы продолжать жить и взаимодействовать с людьми сколь-нибудь нормально». Под определение такого преступника прекрасно подходил Аарон Космин-

ский. Более того, во время телевизионного расследования, проведённого британскими журналистами в год столетия убийств «Джека-потрошителя» (об этом любопытном мероприятии уже упоминалось в настоящем очерке), Дуглас прямо назвал Косминского наиболее подходящим типажом убийцы: «Расчленение предполагает психическое расстройство, сексуальную неполноценность и накопившуюся против всех без исключения женщин злость. А молниеносный характер нападения выдаёт неуверенного в себе, скованного в присутствии других человека. Такой речами себя не выразит. Обстоятельства преступлений говорили за то, что их совершил убийца, способный слиться с окружающим миром и не испугать проституток. Крадущийся в ночи и возвращающийся на место преступления незаметный одиночка, а не звероподобный мясник. В ходе расследования полиция его, безусловно, допрашивала. Из всех предложенных кандидатур больше всего к нашему портрету подходил Косминский. (...) Я не могу утверждать, что Джек-потрошитель – именно Косминский. Но я с достаточной степенью вероятности могу утверждать, что Джек-потрошитель подобен Косминскому.»

Косминский казался не очень убедителен в роли убийцы. Инспектор Абберлин, лично общавшийся с Аароном, справедливо указывал на его сильный акцент. Между тем, не существовало никаких свидетельств того, что «Джек-потрошитель» говорил с акцентом. И своим астеничным сложением Косминский никак не соответствовал словесному портрету подозреваемого.

Наш современник, известный историк криминалистики Филип Сагден (Philip Sugden), автор интереснейших исследований, посвящённых обстоятельствам расследования убийств в Уайтчепеле в 1888 г., сумел отыскать подлинную историю болезни Аарона Косминского.

Сагден установил, что Косминский попал в психлечебницу «Колни хэтч» не в марте 1889 г. (как это утверждал сэр Макнагтен), а гораздо позже – в 1891 г. Если считать Аарона Косминского тем самым кровавым «Джеком-потрошителем», убившим за 3 месяца шестерых женщин, то совершенно непонятно, почему после ноября 1888 г. этот человек прекратил свои злодеяния. Он уехал из Лондона в г. Брайтон (именно в Брайтоне было проведено его опознание Джозефом Лавендом), но на новом месте отнюдь не последовало продолжения серии убийств. Между тем, преступники такого рода обыкновенно не останавливаются сами; известно, что после переездов они продолжают убивать. Подобное заключение можно подтвердить ссылками на таких классических серийных убийц 20 столетия, как Теодор Банди, Кеннет Бьянки и т. п.

Кроме того, после заключения Аарона Косминского в лечебницу «Колни хэтч» тот показал себя пациентом тихим и неагрессивным. В течение трёхлетнего пребывания в лечебнице был отмечен всего один приступ ярости пациента, когда он, защищаясь от санитаря, схватился за стул. Стул оказался привинчен к полу, поэтому своей выходкой Косминский решительно ничего не добился. В 1894 г. Аарона перевели в больницу «Ливеден», где он оставался еще 25 лет, вплоть до самой смерти. Согласно его истории болезни, Косминский рассказывал лечащим врачам о необыкновенных законах движения планет, развития человечества, инстинктах животного мира, отказывался принимать пищу от посторонних, но всегда норовил полакомиться гнилью из мусорного ведра... Его история болезни – печальный документ, объективно зарегистрировавший процесс необратимого распада личности.

Сагден считал, что миролюбивое поведение Косминского в психлечебницах является еще одним доводом против того, что этот человек мог являться «Джеком-потрошителем». Против этого можно возразить то, что серийные убийцы в местах их изоляции вообще ведут себя хорошо. Зачастую они могут производить впечатление людей жалких и беспомощных. Феномен этот хорошо известен и давно описан криминальными психологами. Поэтому важно подчеркнуть, что само по себе примерное поведение Аарона Косминского отнюдь не свидетельствует о том, что в иных условиях он не мог моментально преобразиться в кровожадного монстра.

Вместе с тем, не особенно обнадёживающе выглядит и опознание Косминского свидетелем. Джозеф Лавенд увидел Аарона практически через 1,5 года после предполагаемой встречи с «Джеком-потрошителем». Учитывая ту обстановку, при которой эта встреча произошла (расстояние около 10 м, ночной сумрак, надвинутый на глаза подозреваемого головной убор), следует с определённым скепсисом расценивать надёжность подобного опознания. Во всяком случае, можно не сомневаться в том, что суд присяжных не посчитал бы подобное опознание достаточным для вынесения вердикта.

Третьим в списке главных подозреваемых сэра Макнагтена следовал Михаил Острог, которого глава английской полиции именовал «Майклом». Это был профессиональный рецидивист, просидевший большую часть своей жизни в тюрьмах. Он представлялся польским дворянином, но был ли таковым на самом деле, доподлинно неизвестно. Это был человек по своему незаурядный, умный, эрудированный. Достаточно сказать, что свой последний тюремный срок (всего-то 10 лет!) он получил за... кражу книг. Случилось это аж в 1874 г.

В тюрьме Майкл Острог прикинулся сумасшедшим, попал в учреждение соответствующего профиля. Пробыв там до окончания тюремного срока, он признался в симуляции умственного расстройства и объяснил удивлённым докторам, будто сам является врачом и вовсе не польским дворянином, а этническим евреем. Довольно долго Острог бился за свою свободу и, в конце концов, его выпустили из сумасшедшего дома. Михаил-Майкл устроился жить в Уайтчепеле и, быть может, так и прожил бы остаток своей жизни в полной неизвестности, но в 1888 г. начались убийства проституток, и полиция арестовала его одним из первых.

Включение Острога в список сэра Макнагтена представляется несколько надуманным. Никаких особых улик, бросавших тень на него, просто не существовало. При аресте Острога полиция руководствовалась весьма банальным стремлением изолировать всех лиц с плохой репутацией. При сверке списков лиц с психическими отклонениями, преступников и докторов детективы обнаружили, что Михаил Острог фигурировал во всех трёх списках. Строго говоря, его арест имел характер профилактической работы: загребли человека в кутузку без причины, так, на всякий случай.

Инспектор Абберлин, комментируя «список подозреваемых Макнагтена», совершенно справедливо указывал на то, что Острог явно не соответствовал словесному портрету «Джека-потрошителя». Во-первых, он был гораздо выше ростом (1,78 м против 1,63—1,65 м согласно описаниям свидетелей), во-вторых, заметно старше предполагаемого убийцы (в 1888 г. ему уже исполнилось 58 лет, в то время как возраст «убийцы из Уайтчепела» обычно определялся свидетелями в 35 лет). Трудно поверить в то, что люди, видевшие предполагаемого убийцу в разное время и в разной обстановке, так сильно могли ошибаться при определении его возраста и роста.

Нельзя не признать, что из всей троицы «Друитт-Косминский-Острог» последний представляется наименее вероятным кандидатом в убийцы.

Абберлин довольно иронично высказался относительно правдоподобности «списка Макнагтена». Он с большим скепсисом рассматривал краеугольный камень предположений шефа английской полиции, а именно – версию о том, что убийства в Уайтчепеле прекратились из-за гибели «Джека-потрошителя». В одном из своих газетных интервью в ноябре 1903 г. Фредерик Джордж Абберлин такими словами охарактеризовал своё отношение к подобному предположению: «... мы (детективы лондонской полиции) никогда не верили всем этим рассказам о смерти Потрошителя или о его лунатизме, или о чём-то подобном». Опытный сыщик, не понаслышке знавший о нюансах полицейской работы, совершенно справедливо указывал на то, что могли существовать иные причины прекращения серии убийств, никак не связанные с гибелью преступника. Например, такой причиной могло оказаться его заключение в тюрьму по обвинению, никак не связанному с убийствами. Либо переезд к другому месту жительства, причём не в соседний английский город (как в случае с Аароном Косминским), а гораздо

далее – туда, где проследить действия подозреваемого было гораздо труднее, например, в Америку или Индию.

Бывший инспектор рассказал о собственных предположениях относительно личности «Джека-потрошителя». Он считал, что гораздо более перспективным подозреваемым, нежели троица из «списка Макнагтена», являлся человек, о котором шеф полиции даже не упомянул – некто Джордж Чэпмен. Настоящее имя этого человека звучало на редкость непривычно для англичан – Северин Антонович Клозовский, и именно этим можно объяснить тот факт, что, в конце концов, Клозовский принял вполне благозвучную фамилию одной из своих английских сожительниц – «Чэпмен». Родился Северин Антонович в Варшаве в 1865 г., там же он изучал медицину, но так и не получив диплома, эмигрировал в Великобританию в 1887 г. Пять месяцев молодой человек работал помощником парикмахера в Уайтчепеле, пока, наконец, в апреле 1888 г. не открыл собственный салон стрижки и бритья по адресу: Кэбл-стрит, д. 126. Проживал он в том же самом доме этажом выше.

Во время серии убийств «Джека-потрошителя» Клозовский оставался в Уайтчепеле. Через полтора года заведение его обанкротилось, и он устроился в парикмахерскую на углу Найт-стрит и Джордж-Ярд, вход в которую по странному совпадению находился буквально на том самом месте, где в ночь на 6 августа 1888 г. упала окровавленная Марта Тэбрем.

Личная жизнь господина Клозовского столь любопытна, что о ней следовало бы рассказать подробнее. Первую свою жену он оставил в Польше. Вторично Северин Антонович женился весной 1890 г. Его вторую супругу звали Люси Бадерски. От этого брака родился сын, скончавшийся в марте 1891 г. Чета переехала в Северо-Американские Соединенные Штаты (так тогда именовали США), где и обосновалась в штате Нью-Джерси. Там Клозовский напал на супругу, пытаясь задушить её подушкой. Люси спасло то обстоятельство, что в магазинчик на первом этаже, в котором работал Северин Антонович, явились покупатели. Мужу пришлось отвлечься от супруги и спуститься вниз. Рядом с подушкой Люси увидела страшного вида нож; когда она заинтересовалась у мужа, что всё это означает, тот безо всякого конфуза объяснил, что намеревался её убить и спрятать тело в потолочном перекрытии. В домах той эпохи такие перекрытия имели толщину до полуметра и для лучшей звукоизоляции засыпались шлаком.

Люси Бадерски достаточно серьёзно отнеслась к словам супруга и вскоре бежала от него. В мае 1892 г. она появилась в Лондоне. Через месяц там же объявился и Клозовский. Впрочем, беглянку он не пытался искать, уверенный в том, что на его век дурочек хватит. В 1893 г. Северин сожительствовал с Энни Чэпмен (не путать с женщиной – жертвой «Джека-потрошителя» – это не родственницы!), а в 1894 г. он отыскал ещё одну любовницу.

В 1894 г. он официально сменил имя и фамилию и превратился в настоящего англичанина Джорджа Чэпмена. Во второй половине этого года он пережил весьма бурный роман с Мэри Спинк, которая без раздумий завещала ему 500 фунтов-стерлингов. Парочка открыла совместный бизнес – парикмахерскую с тапёром. Чэпмен брил и стриг, а Мэри Спинк развлекала клиентов игрой на фортепиано. Бизнес давал неплохой доход, но Чэпмен быстро пресытился скучной жизнью парикмахера. Периодически он бивал Мэри Спинк, и в 1897 г. женщина умерла от болей в животе. Каким был диагноз, догадаться совсем нетрудно, разумеется, это был... туберкулёз.

Очень скоро симпатичный и весьма экспансивный поляк стал сожительствовать с Бесси Тейлор.

Клозовский-Чэпмен и Бесси Тейлор: пока все живы и здоровы.

Пылкая любовь длилась недолго, и скоро начались привычные для Чэпмена избиения и угрозы оружием. Со временем Тейлор стала худеть и, в конце концов, скончалась в 1901 г. с сильнейшей диареей. И в этом случае диагноз врача был очевиден: холера. Поскольку трупы таких больных хоронили без вскрытия, Чэпмен благополучно избавился и от этого тела.

Аппетит, как известно, приходит во время еды. И уже в 1901 г. одиночество горячего мужчины стала разделять Мод Мэри. Впрочем, с этой женщиной Чэпмен явно промахнулся: его подруга имела живую и притом весьма деятельную мамашу, которая с первого же взгляда невзлюбила горячего польского мачо. Почувствовала, видимо, прощельгу. Когда Мод стала жаловаться на частые колики в желудке, мама встревожилась и пригласила двух врачей, которые кардинально разошлись в определении причины заболевания. Это несогласие лишь усилило подозрения матери, а когда через два дня Мод скончалась, женщина немедленно отправилась в полицию.

Вскрытие показало присутствие в организме большого количества минерального яда – сурьмы, во многом аналогичного мышьяку. Когда полиция произвела эксгумации тел Спинк и Тейлор, то выяснилось, что тела обеих женщин прекрасно сохранились – а это почти всегда свидетельствует о насыщенности тканей минеральным ядом. Лабораторные анализы подтвердили это предположение: обе женщины действительно скончались в результате хронического отравления сурьмой.

Официально Чэпмен был обвинён только в одном убийстве – Мэри Мод. Суд признал его вину доказанной и осудил на смертную казнь. Убийца был повешен 7 апреля 1903 г.

К тому моменту, когда Фредерик Абберлин давал своё интервью газете «Pall Mall gazette», преступления Чэпмена-Клозовского уже были хорошо известны правоохранным органам Великобритании, а сам убийца – казнён. Отставной полицейский обратил внимание публики на то, что Клозовский не раз допрашивался как свидетель по делу «убийцы из Уайт-чепела». Хотя его никогда официально ни в чём не обвиняли и даже не подозревали при жизни, ретроспективный анализ позволяет всерьёз рассматривать его как потенциального «Джека-потрошителя». Можно привести ряд доводов в пользу такого рода предположения:

а) Клозовский проживал в Уайтчепеле во время совершения там серии убийств женщин в августе-ноябре 1888 г.;

б) в это время он был одинок, т. е. не находился под контролем жены или любовницы, способной удостоверить его alibi на моменты совершения преступлений; он располагал свободным временем по своему усмотрению и никому в этом не давал отчёта;

в) он имел работу, которая оставляла ему свободное время по вечерам и ночью, а также week-end'ы. Напомним, что все преступления «Джека-потрошителя» приходились на конец недели;

г) медицинские знания, полученные до эмиграции из Варшавы, позволяли Клозовскому действовать с хладнокровием и должными хирургическими навыками, обладание которыми не раз демонстрировал «Джек-потрошитель»;

д) во время пребывания Клозовского в Нью-Джерси там произошло убийство Кэри Броун. Эта женщина 24 апреля 1891 г. была задушена, а затем изуродована ножевыми ударами.

Существовали и определённые соображения, работавшие против изложенной версии:

а) к моменту убийств женщин в Уайтчепеле Клозовский был ещё слишком молод — 23 года. Напомним, что предполагаемый преступник имел возраст 30—40 лет. Но вполне возможно, что подобная ошибка в определении возраста происходила из-за того, что Клозовский казался мужественнее и держался увереннее своих сверстников. В том, что иной мужчина кажется старше своего возраста на 5—10 лет, нет ничего удивительного;

б) Клозовский совершал убийства своих любовниц путём отравления сурьмой. Хотя он нередко и пускал в ход кулаки и грозил ножами, холодное оружие не использовалось им для умерщвления жертв [во всяком случае в известных случаях]. Полицейская практика свидетельствует, что обычно серийные преступники остаются привержены однажды выработанной манере действия, всё более оттачивая её от одного преступного эпизода к другому. Вместе с тем не существует абсолютных правил, и в истории криминалистики можно найти случаи, когда серийные преступники пробовали различные варианты убийств своих жертв (например, «Хиллсайдские душители» или Роберт Берделла). Поэтому с известной натяжкой можно допустить, что и Клозовский пробовал различные способы убийств, пока не остановился на оптимальном для него «тихом» убийстве посредством отравления.

в) Психологический портрет Северина Клозовского заметно отличается от профиля личности «Джека-потрошителя», выработанного Джоном Дугласом на основании материалов следствия 1888 г. Убийца проституток был социопатом, человеком, с трудом контролирующим взрывы собственного мортидо, социальная адаптация этого преступника должна была быть очень низкой. Это означает, что он едва мог заставить себя разговаривать с женщинами. Очевидно, что Клозовский плохо соответствует этому описанию. Он использовал для совершения преступлений яд, что означает способность перспективно мыслить и заблаговременно готовить желаемый ход событий. Клозовский умел располагать к себе женщин, чем искусно пользовался; он добивался полного доверия жертв, которое простиралось вплоть до оформления завещаний на его имя. Несоответствие психологических портретов Клозовского и «Джека-потрошителя» представляется самым серьёзным доводом против того, что это одно и то же лицо.

Предположение о возможном переезде «Джека-потрошителя» за океан (в Индию или Америку) следует признать весьма перспективным. Долгое время никто из историков криминалистики не пытался исследовать подобное гипотетическое развитие событий, но 1995 г. американские писатели Эванс и Гейни выпустили сенсационную книгу «Джек-потрошитель: первый американский серийный убийца», в которой представили весьма солидно обоснованную теорию, суть которой сформулирована в самом заглавии.

Американские историки криминалистики отыскали человека, чей психологический портрет весьма точно соответствовал предполагаемому профилю «убийцы из Уайтчепела». Некий Френсис Тамблти был рождён в 1833 г. в Канаде, но с 1849 г. жил в г. Рочестере, штате Нью-Йорк. Там он сбежал от родителей и проехал через все США (тогда эту страну называли САСШ). В 1850 г. он появился в г. Детройте. На жизнь молодой человек зарабатывал тем, что выдавал себя за доктора-гомеопата, хотя таковым не являлся. Другими словами, с младых ногтей Френсис Тамблти промышлял мошенничеством. Кроме того, с самой своей юности

этот человек был гомосексуалистом, и материальная помощь от сексуальных партнёров также служила неплохим финансовым подспорьем для молодого проходимца.

Тамблити презирал женщин и, судя по его письмам, никогда не имел с ними половой близости. Его письма, обнародованные Эвансом и Гейни, содержат разного рода уничижительные эпитеты и насмешки в адрес женской половины человечества. Обычно он называл женщин не иначе как «поваленными на спину».

В 1874 г. Френсис Тамблити побывал в Англии, в г. Ливерпуле, где жил в доме своего любовника сэра Генри Хэлла Кейна. Хотя Тамблити уже старел, он выглядел тогда ещё достаточно свежо и казался привлекателен для лиц высшего общества со специфическими наклонностями. Как бы там ни было, эта поездка весьма понравилась Тамблити, кроме того, она способствовала укреплению его финансового благополучия.

Вернувшись в США, он успешно играл на бирже, давал деньги в рост и в последующие годы заметно разбогател.

В 1888 г. он предпринял новый вояж в Великобританию. Теперь он сам искал свежих впечатлений и молодых партнёров; нажитые деньги предоставляли ему прекрасную возможность исполнять мечты. В июне 1888 г. он появился в Лондоне и поселился рядом с Уайтчепелом. Место полностью отвечало его вожделенным мечтаниям: в трущобном районе не составляло большого труда отыскать нужных ему лиц даже в те пуританские времена. Впрочем, удовольствие от развлечений господину Тамблити заметно подпортили лондонские полицейские, арестовавшие американского гостя за нарушение общественной нравственности. Американец приставал к молодым людям, не разделявшим его специфических увлечений, а потому полисменам пришлось вмешаться дабы избавить гостя столицы от угрозы весьма вероятной физической расправы. После ареста Френсис несколько умерил пыл, но из Лондона не уехал, поскольку чувствовал себя в Уайтчепеле медведем на пасеке.

Но в середине ноября 1888 г. его арестовали ещё раз. Некий аноним сообщил в полицию, что находит поведение этого человека весьма странным (полиция сама просила жителей Лондона делать такие сообщения, помните текст листовки?). Полиция вела допросы Френсиса Тамблити с намерением проверить его возможную причастность к убийствам «жриц любви» в Уайтчепеле. Пробыв под арестом три дня, американец добился освобождения под залог. Выйдя из полиции, он немедленно нарушил условия освобождения и скрылся от органов охраны правопорядка. Под вымышленным именем он 24 ноября 1888 г. отплыл во Францию и лишь оттуда – в Соединённые Штаты. Видно, сильно перепугали американского плейбоя английские «бобби»!

Впрочем, от пристрастного внимания полиции Тамблити скрыться не удалось. Английские детективы были чрезвычайно заинтригованы его поспешным бегством (в Англии существует неписаная норма, согласно которой бегство с места преступления приравнивается к признанию собственной вины). Поэтому из Лондона в американский штат Иллинойс было отправлено официальное уведомление местной полиции о том, что Френсис Тамблити проверялся на возможную причастность к убийствам на территории Англии и скрылся, нарушив условия освобождения под залог. Английские полицейские просили американских коллег провести расследование этого эпизода. Полиция Нью-Йорка разыскала Френсиса, но до экстрадиции в Великобританию дело так и не дошло. Американцы сочли, что нет объективных оснований для выдвижения каких-либо обвинений в адрес Тамблити.

Он вернулся в г. Рочестер, поселился с родной сестрой, прожил остаток жизни в роскоши и довольстве. Скончался Френсис Тамблити в 1903 г.

Авторы гипотезы «Тамблити-потрошитель» сами же указали на её слабые места. Прежде всего, против виновности американца работает тот очевидный довод, что он к лету 1888 г. был слишком стар (55 лет), и по этому критерию не соответствовал словесному портрету убийцы. Другим соображением против этой версии можно считать то, что никаких документальных

свидетельств агрессивного поведения Тамблиту в отношении женщин авторам найти не удалось.

Оба эти довода могут быть опровергнуты. Понятно, что возраст «убийцы из Уайтчепела» – категория весьма относительная, поскольку неизвестно, красил ли он волосы, использовал ли другие приёмы для изменения внешности. С помощью довольно нехитрых актёрских трюков мужчина может значительно исказить восприятие окружающими своего возраста. Что же касается отсутствия свидетельств его опасного поведения, то это соображение весьма условно – подобные свидетельства за прошедшие сто с лишним лет вполне могли быть утрачены.

В принципе, теория Эванса и Гейни заслуживает самого пристального внимания и дальнейших исследований. Вполне возможно, что в течение ближайших лет появятся новые существенные материалы, способные укрепить доверие к ней.

Вообще, на Западе вокруг преступлений «Джека-потрошителя» сложилась своя мифология. На протяжении последних 30 лет на эту тему появились подробнейшие [и весьма внушительные по объёму] монографии Стивена Найта, Мартина Фидо, Кейт Скиннер, Стюарта Эванса, Джеймса Мейбрика, Ширли Харрисон и др. писателей.

В своё время немалый шум наделала версия преступлений «Джека-потрошителя», выдвинутая историком Филиппом Джуллиеном. В своей книге «Эдуард Седьмой», изданной в 1962 г., он предположил, что к убийствам в Уайтчепеле летом-осенью 1888 г. был причастен принц Алберт Виктор, внук королевы, сын будущего короля Эдуарда Седьмого.

По версии историка, принц имел любовницу Энни Крук, для которой снимал квартиру в Уайтчепеле. Когда Энни забеременела, состоялось её тайное бракосочетание с принцем, проведённое по католическому обряду. Беременность разрешилась родами; Энни родила девочку, которая была названа Элис Маргарет. По версии Джуллиена жертвами «Джека-потрошителя» явились женщины, знавшие о тайне принца.

Подобная картина событий, при всей своей занятости, довольно быстро была опровергнута. Архивные розыски показали, что во время убийств Элизабет Страйд и Кейт Эддоуз принц находился далеко от Лондона – в Шотландии. Уже одно это *alibi* должно было снять с него все подозрения. Кроме того, существовал ряд серьёзных доводов за то, что принц Алберт был холоден к женщинам и многие аспекты его поведения явно отклонялись от нормы. Кроме того, он совершенно не соответствовал предполагаемому психологическому профилю «Джека-потрошителя». Принц несомненно являлся глубоко порочным мужчиной и скончался в 1892 г. от третичного сифилиса, но он явно не был неадекватным человеком. Ему бы ни за что не был присвоен в 1891 г. титул герцога Кларенского, если б он демонстрировал признаки психического заболевания подобные тому, которое должен был бы иметь «убийца из Уайтчепела». Кроме того, принц Алберт не имел абсолютно никаких медицинских знаний и навыков. Казалося очень странным, почему эти соображения не принял во внимание Джуллиен во время работы над своей книгой.

Однако в 1970 г. появилась новая редакция версии Филиппа Джуллиена, согласно которой убийства опасных свидетелей осуществлял отнюдь не лично принц, а придворный доктор Гулл, который действовал по поручению королевы. Автором этой модифицированной версии о «принце-убийце» был известный антиквар и историк Томас Стоуэлл. Он утверждал, что располагает личными бумагами врача, которые не оставляют ни малейших сомнений в его виновности.

Стоуэлл успел написать только одну журнальную статью и анонсировать публикацию развёрнутого исследования на эту тему, как вдруг произошла история почти детективная: он скоропостижно скончался, а весь его архив... сгорел. Между тем, ряд соображений заставляет серьёзно усомниться в правдоподобии версии историка.

Прежде всего, доктор Гулл никак не соответствовал представлениям о наёмном киллере. В 1887 г. он перенёс инсульт и летом следующего года ещё далеко не оправился. Понимая это, Стоуэлл взялся конструировать возможные картины убийств и пришел к выводу, что Гулл совершал преступления в... запряжённом лошаадьми омнибусе. В этом своеобразном морге он спокойно разделял женские тела, а потом выбрасывал их в различных частях Уайтчепела.

Согласитесь, это очень забористая фантазия! Представить реализацию на практике подобного замысла очень сложно. Кроме того, допущение Томаса Стоуэлла о существовании омнибуса-«морга» вступало в прямое противоречие с результатами всех медицинских заключений, сделанных во время убийств в Уайтчепеле. Напомним, что медики, осматривавшие тела погибших женщин, приходили к однозначному заключению, что местом совершения преступления являлось именно место обнаружения тела, другими словами, они утверждали, что посмертные перемещения останков не осуществлялись. Кроме того, опросом свидетелей было точно установлено, что никакого омнибуса на месте преступления не было. Если бы таковой действительно существовал, полиция непременно бы об этом узнала.

Но существовало и другое соображение, уничтожавшее версию Стоуэлла, что называется, на корню. Дело в том, что брак принца Алберта с Энни Крук (даже если допустить, что он действительно был заключён) не мог служить для принца сколь-нибудь серьёзной преградой в решении вопроса о престолонаследии. Мало того, что сам по себе этот вопрос был весьма абстрактен, поскольку его бабка и отец были живы, так сама английская правовая система давала в распоряжение принца Алберта прекрасную возможность юридически корректно закончить тяготившие его отношения с неблагородной женщиной. Дело в том, что «Акт о браках», принятый королём Георгом Третьим, считал юридически ничтожным всякое бракосочетание наследника престола, заключённое до достижения им 25 лет без согласия Монарха. Таким образом, для английского права принц Алберт продолжал оставаться холостяком.

Другими словами, принц имел совершенно законный способ покончить с компрометирующими его отношениями, не прибегая к убийству нежелательных свидетелей.

Тем не менее, гипотеза о причастности принца к убийствам в Уайтчепеле, видимо, в силу её скандальности, оказалась весьма живучей. Уже в 80-х годах прошлого столетия она претерпела дальнейшую эволюцию, в результате которой роль доктора Гулла стала приписываться некоему Джеймсу (более известному как Джем) Кеннету Стивену. Этот молодой человек, в прошлом входивший в круг доверенных лиц принца Алберта, а затем вступивший с ним в конфликт, якобы совершал убийства в Уайтчепеле с целью отомстить принцу. Версия эта, достойная самых дешёвых бульварных газетёнок, представляется ещё менее обоснованной, нежели гипотеза о причастности к убийствам доктора Гулла. Здесь она упоминается единственно с той целью, чтобы дать представление о том разбросе версий, которые существуют относительно личности «Джека-потрошителя».

Нельзя пройти мимо весьма любопытной версии американской писательницы Патрисии Корнвелл, изложенной ею в книге «Портрет убийцы. Джек-потрошитель – дело закрыто». На свои изыскательские работы Корнвелл потратила более 6 млн. долларов и амбициозно заявила, что разработанная ею гипотеза бесповоротно ставит точку в вопросе личности «Джека-потрошителя».

Патрисия Корнвелл пришла к выводу, что английский художник Уолтер Сикерт являлся тем самым неразоблачённым «убийцей из Уайтчепела», которого безуспешно искала полиция Лондона. Свой вывод автор обосновывала тем, что ей в результате тщательного анализа переписки художника (а она сумела приобрести в личное пользование 55 его писем и ознакомилась со многими документами из архивов и частных собраний) удалось найти условный знак, которым Сикерт помечал отправляемые письма. Такие знаки присутствуют в его письмах, отправленных отцу и жене в период 1885 – 1888 гг. После 1888 г. условные знаки исчезают из переписки Сикерта. Точно такой же знак присутствует в одном из писем, приписываемых «Джеку-

потрошителю». Кроме того, некоторые обороты речи из писем Сикерта совпадают с теми выражениями, что можно видеть в этих самых письмах.

Развивая свою концепцию, Патрисия Корнвелл указывает на то, что во время убийств в Уайтчепеле Сикерту исполнилось 28 лет, он имел аккуратные усики и был брюнетом, его комплекция и рост вполне соответствовали словесному портрету «Джека-потрошителя».

Уолтер Сикерт, по версии писательницы Патрисии Корнвелл, как раз и был «Джеком-потрошителем».

Сикерт знал многих лондонских проституток, которых регулярно приглашал в качестве моделей. Это, по мнению Корнвелл, свидетельствует о том, что художник имел определённый опыт общения с этой категорией лиц и знал, как лучше организовать на них нападение. Сикерт скончался в 1942 г. задолго до того, как родилась версия о его причастности к убийствам в Уайтчепеле, и потому в свою защиту ничего сказать не мог.

Один из известных специалистов по истории криминалистики, полицейский в отставке, автор четырёх книг о «Джек-потрошителе» Стюарт Эванс отозвался об изысканиях Патрисии Корнвелл с откровенным пренебрежением: «Полная ерунда!» И в самом деле, американская писательница своей гипотезой вступила в противоречия со многими устоявшимися взглядами без должного тому обоснования. Внимательный читатель настоящего очерка и сам сможет без труда отыскать в гипотезе Корнвелл не менее двух серьёзных противоречий таким аксиомам, которые никем из специалистов по «убийствам в Уайтчепеле» сомнению теперь не подвергаются. Нельзя отделаться от мысли, что свои 6 млн. долларов Патрисия Корнвелл потратила совершенно впустую.

Исключительно интересной представляется история версии Майкла Баррета, впервые прозвучавшая в 1992 г.

Начало этой истории было интригующим. Баррет, молодой торговец металлоломом из г. Ливерпуля, сообщил журналистам, что располагает дневником некоего Джеймса Мейбрика, из содержания которого можно заключить, что именно Мейбрик являлся «Джеком-потрошителем». Сам Баррет не был историком, и казалось невозможным, чтобы человек весьма далёкий от криминалистики и истории взялся подделать записи в 300-страничном альбоме викторианской эпохи. Происхождение дневника проследить оказалось довольно сложно: Баррет утверждал, что получил альбом от своего друга Энтони Деверека. Последний скончался за год до заявления Баррета и потому слова его подтвердить не мог. Семья Деверека утверждала, что не знала о существовании дневника Мейбрика.

Сама по себе личность этого человека представляет определённый интерес и заслуживает отдельного рассказа. Преуспевающий предприниматель Джеймс Мейбрик сколотил своё

состояние на прямых поставках американского хлопка в Великобританию после окончания Гражданской войны в США. Закупочная контора Мэйбрика в штате Вирджиния отгружала хлопок с наименьшей себестоимостью, и в течение 1870-х годов состояние предпринимателя росло как на дрожжах. Свободные капиталы Мэйбрик помещал на европейских биржах, что приносило новые доходы. Деньги шли к деньгам. В сорок лет миллионер женился на 18-летней Флоренс Чендлер, ставшей матерью двух его детей. В 1880-х годах началась затяжная полоса неудач Мэйбрика: он терял деньги на бирже, стал жаловаться на прогрессирующую болезнь печени. За 15 лет до того, будучи в США, он перенёс малярию, которую лечил мышьяком и стрихнином. Теперь последствия этого варварского лечения проявились со всей очевидностью. Стареющий Мэйбрик быстро терял интерес к делам, в конце концов, он забросил активную работу в сфере торговли и в 1888 г. купил роскошный особняк в престижном районе Ливерпуля. Там он уединился со своей семьёй. Идиллии, впрочем, не получилось. К этому времени проявились давняя зависимость Джеймса от морфия и последствия его беспутного поведения в прежние годы. Супруга и дети не без удивления узнали, что Мэйбрик уже давно имел любовницу, от которой прижил ребёнка. Негодующая Флоренс – надо сказать, весьма миловидная дама! – разорвала отношения с мужем и стала жить с молодым любовником. Эта ситуация, весьма напоминая нынешние бразильские телесериалы, разрешилась скоропостижной смертью Джеймса, последовавшей 11 мая 1889 г. Лечащий врач Мэйбрика заподозрил ошибку провизора, продавшего раствор морфия не той концентрации, какой следовало, и потребовал анатомического исследования...

К всеобщему удивлению вскрытие обнаружило в желудке погибшего не морфия, а... мышьяк. Полицейское расследование было скорым. Когда стало известно, что Флоренс менее чем за месяц до смерти мужа дважды покупала мышьяк, её тут же арестовали. Мотив был очевиден. Жёны-отравительницы вовсе не такая редкость, как может подумать неосведомлённый человек. По забавному стечению обстоятельств судил Флоренс отец упоминавшегося в настоящем очерке Джеймса Кеннета Стивена. Флоренс Мэйбрик за отравление мужа была приговорена к смертной казни, в тюрьме она пробыла 15 лет.

Такова вкратце событийная канва. В контексте настоящего очерка важно подчеркнуть то, что обстоятельства жизни Мэйбрика вполне соответствовали фактическим обстоятельствам преступлений в Уайтчепеле в 1888 г. Отравление Джорджа прекрасно объясняло тот факт, что серия убийств не имела продолжения после прекращения в ноябре 1888 г. Сам дневник содержал множество разнообразных деталей, связанных с особенностями преступлений «Джека-потрошителя» и производил сильное впечатление.

Понятно, что появление такого документа привлекло к нему огромное внимание специалистов самого разного профиля. Целая команда экспертов Скотланд-Ярда занималась проверкой представленного Майклом Барретом документа. Анализ бумаги и обложки показал, что дневник написан на подлинном альбоме для записей второй половины 19-го столетия. Вместе с тем букинисты с уверенностью свидетельствовали, что такого рода альбомы весьма нередки. Первые страницы дневника отсутствовали, что выглядело довольно подозрительно. Графологи отметили, что почерк выглядит подделкой под манеру письма викторианской эпохи, с характерными для того времени росчерками и виньетками. Вместе с тем, сравнение почерка лица, писавшего дневник, с почерком Майкла Баррета показало, что не он сделал все эти записи. Насчёт датировки времени изготовления чернил мнения специалистов свелись к тому, что для написания дневника были использованы чернила не современные, но всё же гораздо более позднего происхождения, нежели 80-е года 19-го столетия.

Весьма важной представляется экспертиза содержания текста. Многие компетентные историки отметили большое количество различных анахронизмов, допущенных автором. Вместе с тем, в тексте не было очевидных «ляпов», которые мог бы допустить человек, незнакомый с теми предметами, о которых он писал. В некоторых деталях описанных убийств автор

серьёзно противоречил объективным данным полиции. Особенно это касается последнего убийства «Джека-потрошителя», когда преступник получил возможность сполна предаться своим фантазиям, запершись в одной комнате с Мэри Келли. Например, дневниковая запись утверждала, что преступник отбросил ключ от двери подальше от кровати. На самом деле убийца взял его с собой и закрыл им дверь на замок. Отрезанные фрагменты тела Мэри Келли были разложены совсем не так, как это было описано в дневнике. Вместе с тем, ряд психологов отметили, что значение такого рода противоречий не следует преувеличивать; люди, находящиеся в состоянии аффекта, очень часто с большим трудом могут восстановить последовательность событий и притом помнят их в самых общих чертах. Многие детали экстраординарных событий зачастую воспринимаются и воспроизводятся их участниками не так, как они происходили на самом деле. Причина такого несоответствия кроется в специфике работы психики, а отнюдь не в злом умысле.

Самой серьёзной критике подверг дневник Мейбрика уже не раз упоминавшийся в настоящем очерке Джон Дуглас- эксперт американского ФБР по профилированию личности. Дуглас указал на то, что содержание дневника вступает в явное противоречие с тем, что криминалистическая психология знает о типах серийных убийц и их поведенческих стереотипах. «Джек-потрошитель» был убийцей стихийным, неорганизованным, беспорядочным. Это был человек социально неадаптированный, с тяжёлыми личностными проблемами, психически ущербный. Такой человек был неспособен планировать и осуществлять такие сложные преступления, которые (если верить дневнику) совершал Джозеф Мейбрик. Из дневниковых записей видно, что Мейбрик совершал поездки из Ливерпуля в Лондон и уже в столице запутывал следы, выбирал маршруты по городу таким образом, чтобы не быть опознанным своими прежними приятелями, заботился об изменении внешности и пр. Дуглас утверждал, что подлинный «Джек-потрошитель» никогда бы не стал так действовать; подобное поведение было вне пределов его разума и опыта.

Вместе с тем, многие специалисты всерьёз рассматривали представленный Майклом Барретом документ как свидетельство виновности Джорджа Мейбрика. Несмотря на высокий авторитет Дугласа, лично участвовавшего в изобличении многих десятков серийных убийц в разных странах мира, его заключения нередко ставились под сомнение. В самом деле, тот тип неорганизованного серийного убийцы, о котором говорил Дуглас, обычно действует несколько иначе, нежели «Джек-потрошитель». Такой преступник использует в качестве орудия убийства первое, что попадает ему под руку – камень, палку, стул, веревку и т. п. «Убийца из Уайтчепела» носил с собою нож, причём, скорее всего, специальный, один и тот же во всех случаях. Использование от случая к случаю одного однажды выбранного орудия преступления уже указывает на организованного убийцу – эту аксиому повторяют все учебники по криминалистике. Тот же натурализм, с которым дневник описывал детали поведения преступника, его размышления и переживания, производил впечатление гораздо большей достоверности, нежели сухие выкладки эксперта ФБР.

Конец версии Майкла Баррета состоялся через три года после её рождения. В 1995 г. Баррет официально заявил, что «дневник Джорджа Мейбрика» представляет собой фальшивку. Автором текста являлся сам Баррет, а записи в дневнике были выполнены рукой его супруги Энн, специально выучившейся писать изменённым почерком, в манере мужчин 19-го столетия.

Мистификация, устроенная Майклом Барретом, с очевидностью продемонстрировала необходимость тщательного анализа улик и документов. Популярность темы вполне может подтолкнуть к новым мистификациям людей, стремящихся к скандальной известности и связанными с нею лёгкими барышами. Вместе с тем, бросая ретроспективный взгляд, нельзя не заметить того, что общественный интерес к преступлениям «Джека-потрошителя» (прежде всего – западной публики) остаётся стабильно высоким. Вполне возможно, что с широким

появлением переводной литературы на отечественном книжном рынке рост подобного интереса будет отмечен и в нашей стране.

Английские и американские писатели продолжают активно разрабатывать тот исторический пласт, что связан с убийствами в Уайтчепеле летом и осенью 1888 г. В этой связи уместно упомянуть о «сенсации», потрясшей воображение безграмотных отечественных журналистов, поспешивших провозгласить в марте 2019 года об идентификации «Джека-потрошителя». Первоисточником дутой сенсации стала статья в специализированном журнале «Journal of Forensic Sciences», увидевшая свет 15 марта того года. Её автор Яри Лухилайнен (Jari Louhelainen) поведал почти детективную историю о том, как ему удалось заполучить биологические образцы с шали, принадлежавшей Кэтрин Эддоус и, проведя молекулярно-генетическую экспертизу, вычленив ДНК, совпадающий с ДНК Аарона Косминского. По логике автора статьи последний являлся как убийцей Эддоус, так и соответственно «Джеком-потрошителем».

Если бы отечественные журналисты имели привычку хоть немного изучать вопрос, о котором пытаются строчить свои статейки, то они бы не стали раздувать сенсацию на ровном месте. Работа Лухилайнена быстро была поставлена под сомнение историками криминалистики, хоть немного владеющими документальной базой – это произошло буквально в течение первой недели со времени появления статьи.

Чтобы не тратить время на долгие рассуждения – статья эта не заслуживает большого внимания в принципе – укажем кратко на основные нестыковки, заставляющие сомневаться в том, что Яри Лухилайнен действительно получил ДНК «Джека-потрошителя» и ДНК этот соответствует ДНК Аарона Косминского:

1) В документах нет никакой информации о том, что возле трупа Эддоус находилась некая шаль, платок или шарфик.

2) Совершенно фантастично выглядит рассказ о том, что найденную возле трупа проститутки шаль забрал некий полицейский в качестве подарка своей жене. Примечательно, что имя и фамилия этого рачительного полицейского в разных публикациях либо не приводятся, либо указываются разные.

3) Не менее фантастично звучит утверждение, согласно которому шаль никогда не стирали с 1888 года.

4) Даже если считать, что некая шаль Кэтрин Эддоус действительно существовала в 1888 году, след её потерялся в конце XIX столетия. Она неожиданно появилась на аукционе в 2007 году, где её купил некий Рассел Эдвардс (Russell Edwards), передавший впоследствии этот артефакт для исследования. Не существует никаких доказательств, опираясь на которые можно было бы утверждать, что «шаль образца 1888 года» и «шаль образца 2007 года», является одним и тем же предметом.

5) Отдельной проблемой является получение Лухилайненом ДНК Аарона Косминского. По его уверению он восстановил ДНК подозреваемого по генетическому материалу его потомков, что само по себе является задачей хотя и возможной, но нетривиальной и требует отдельной проверочной экспертизы.

В общем, громогласное заявление об успехе при его внимательном анализе породило массу безответных вопросов. И не совсем понятно почему редакция научного журнала, специализирующегося на публикациях по судебной медицине и криминалистике, некритично восприняла «жареный» материал Яри Лухилайнена и одобрила его к публикации.

Появление новых работ и оригинальных версий, вкратце упомянутых в настоящем очерке, свидетельствует о том, что тема эта далеко не исчерпана. Возможно, что в течение ближайших лет нам предстоит познакомиться как с абсолютно новыми гипотезами из этой области, так и более глубокими проработками изложенных выше версий.

Независимо от того, сойдутся ли мнения экспертов в определении личности «Джека-потрошителя» или нет, можно с уверенностью утверждать, что современные криминалисты достаточно близко подошли к ответу на вопрос «каким человеком должен был быть этот преступник?». Благодаря нынешним достижениям бихевиористической психологии современные криминалисты могут гораздо лучше описать преступника, нежели его современники. Тот факт, что Джон Дуглас фактически разоблачил мистификацию Майкла Баррета, именно исходя из анализа особенностей психологического портрета предполагаемого убийцы и несоответствия ему описанных в дневнике черт Джеймса Мейбрика, свидетельствует о правильном понимании специалистами поведенческих стереотипов убийцы и его мотивов.

Другое дело, смогут ли учёные когда-либо ответить на вопрос «кто именно был Джеком-потрошителем?». Честно говоря, тут проще сказать, кем он не был. Он не был принцем Албертом, он не был представителем среднего класса, подобным Джозефу Мейбрику или Монтагью Друитту. Несомненно, убийца выглядел человеком на редкость заурядным, неприметным до такой степени, что сумел ничем не обратить на себя внимание весьма недоверчивых детективов Скотланд-Ярда, прочесавших Уайтчепел вдоль и поперёк не один раз. Скорее всего, во время совершения убийств он вообще не жил в Уайтчепеле, хотя, вне сомнений, прекрасно знал этот район. Возможно, он жил здесь прежде, но когда в сентябре 1888 г. полицейские кордоны плотным кольцом охватили Уайтчепел, он остался вне полицейских облав. Дуглас, предположивший, что полицейские допрашивали убийцу, но отпустили его, оставив вне подозрений, возможно, был и прав. Но одной из причин, по которой преступник не привлёк к себе внимание полиции, возможно, и состояла как раз в том, что он не был жителем Уайтчепела.

Джон Дуглас, вне сомнений, прав в другом: сегодня такие преступления были бы раскрыты. На самом деле «Джек-потрошитель» отнюдь не является неким убийцей-асом: во всех случаях нападений он действовал довольно стандартно и примитивно. Лишь несовершенство технических средств полиции позволяло ему неоднократно оставаться неопознанным и беспрепятственно покидать район совершения преступления.

Следует повторить: современные исследователи довольно близко подошли к «убийце из Уайтчепела». Будет ли, в конце концов, названа его фамилия, зависит во многом от того, сколь сохранны окажутся английские архивы. Вполне может быть, что нам ещё доведётся прочесть захватывающую книгу, автор которой назовёт нам настоящую фамилию самого легендарного преступника всех времён и народов.

1920 год. Женщина, которая смогла («Дело Лиды Трублуд»)

Глупец, сказавший, будто путь к сердцу мужчины лежит через желудок, был не только глупцом, но и импотентом. Мужчины с нормальным либидо согласятся с тем, что путь к сердцу имеет маршрут более заковыристый и пролегает мимо желудка. Чревоугодие – это порок, угнетающий половое чувство, не зря же говорится, что справный мужик толстым не бывает. Умные женщины понимают эту простую истину, хотя и не всегда в этом признаются! Они могут использовать своё понимание мужской природы для достижения желаемого, действуя вероломно, подло и очень жестоко.

Этот очерк как раз о такой женщине.

16 октября 1892 г. в местечке Кейтсвилл (Keytesville), штат Миссури, в семье с говорящей фамилией Трублуд (английское слово Trueblood можно буквально перевести как «настоящая кровь» или «истинная кровь») родилась девочка. Назвали её вычурно, можно даже сказать, с претензией – Лайда Энн Мэй (Lyda Anna Mae), далее мы будем называть её в более привычной русскому уху транскрипции «Лида». Семейка с говорящей фамилией жила на Среднем Западе уже несколько поколений и, насколько мы сейчас можем судить, имела некоторые специфические традиции, характерные для жителей тамошних пустынных буераков.

Читателям моего сайта «Загадочные преступления прошлого», безусловно, знакома старая американская шутка, гласящая, что если дочь фермера остаётся девственницей в 14 лет, стало быть, она бежит быстрее отца и братьев. Семья Трублуд – это как раз тот случай, когда мы можем сказать, что в этой шутке есть только доля шутки. Дедушка Лиды по имени Бенджамин в возрасте 21 года догнал-таки свою младшую сводную сестрёнку, после чего у девочки случилась беременность. Чтобы как-то прикрыть приключившийся срам, будущий дедушка взял сестрицу замуж, разумеется, скрыв родство и завысив от греха подальше возраст невесты. Впрочем, завышение возраста непозволительно юной невесты являлось нормой для Америки вплоть до середины XX века (кто читал мой очерк «1911 год. Убийство на карандашной фабрике» в сборнике «Американские трагедии. Книга IV», сразу поймёт, о чём идёт речь, кто не читал – тому следует прочесть, там приведена весьма показательная история из американской жизни, которая замечательно иллюстрирует высказанную мысль). Как нетрудно догадаться, добром такой союз не закончился да и закончиться не мог, будущий дедушка быстро пресытился сестрёнкой, в смысле женой, бросил её и провёл жизнь в непринуждённых блужданиях от одной женщины к другой. Некоторых из них он даже брал в жёны, но не всех и нечасто. Активная половая жизнь сопровождалась не менее активным бытовым алкоголизмом, а потому неудивительно, что предприимчивый дедушка Бенджамин умер в 1915 году, отравившись суррогатным алкоголем.

Как это часто бывает, специфические ужимки папаши передались сыну, в данном случае, от деда – отцу Лиды Трублуд. Сейчас нет точных данных о нравах, расцветавших внутри большой семьи [6 детей!], но можно не сомневаться, что обстановка в доме царил ненормальная, поскольку Уилльям Трублуд, папаша Лиды, демонстрировал целый букет антисоциальных наклонностей. Известно, что он неоднократно бросал семью, а потом возвращался, подозревался в мелких хищениях [за что арестовывался полицией], само собой, безудержно пил. Имея склонность к бродяжничеству, он частенько и надолго уходил из дома, то есть его эмоциональная связь с детьми была ослаблена. Непутёвый папаша любил спиртное и не отказывал себе в этом маленьком удовольствии. Ко времени собственной смерти в возрасте 64 лет он

стал абсолютной развалиной, близкие не хотели о нём слышать, в результате чего он скончался в доме престарелых, всеми забытый и отторгнутый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.